

Александр Михайловский
Юлия Маркова

**ГЕРОЙ ИМПЕРИИ
БИТВА ЗА
ВРЕМЯ**

ПОЛЯРНЫЙ ЛИС -2

Галактические войны

Александр Михайловский

Герой империи. Битва за время

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2019

Михайловский А. Б.

Герой империи. Битва за время / А. Б. Михайловский —
«Александр Михайловский и Юлия Маркова»,
2019 — (Галактические войны)

Июль сорок первого года. Команда "Полярного Лиса", вступив во взаимодействие с окруженными и частично разгромленными частями Красной армии в Белостокском выступе и Минском укрепрайоне, стремится выиграть время, чтобы подтягивающиеся к Днепру соединения Второго Стратегического эшелона успели создать устойчивый фронт обороны по этой великой реке и тем самым перевели войну в позиционную фазу, которая для немецких генералов станет синонимом поражения.

© Михайловский А. Б., 2019
© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2019

Содержание

Часть 5	5
Часть 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Часть 5

1 июля 1941 года, утро. Брестская область, Кобрин. Штаб группы армий «Центр».

Командующий генерал-фельдмаршал Федор фон Бок

Уже четверо суток, начиная с утра двадцать седьмого июня, одним из крупнейших военачальников Третьего Рейха владело ощущение жгучей обиды, формулируемое короткой фразой: «Мы так не договаривались». Война, которой предстояло стать достойным победоносным завершением многолетней карьеры, была непоправимо испорчена грубым вмешательством со стороны так называемых «белых демонов». Могущественные пришельцы явились из неведомых космических далей и встали на защиту большевиков с таким пылом, будто специально только для этого спешили сюда с другого конца Галактики. Федор фон Бок уже знал, что за эти несколько последних дней в лексикон немецких солдат успели прочно войти такие слова как «белый демон», «огненная гадюка», «призрак»¹ и «бешеная сирена»...

Здесь, на московском направлении, где вермахт наносил главный удар по боевым частям большевиков, вмешательство пришельцев самым жестоким образом сломало планы германского командования, превратив тщательно спланированную операцию в какой-то невероятный хаос. Зато у большевиков, явно попавших в твердые руки опытных стратегов, порядка с каждым днем становилось все больше и больше. Поэтому поначалу рефлекторное, почти бессмысленное, сопротивление попавших в окружении частей русских становилось более злым и целенаправленным. У командующего группой армий «Центр» было ощущение, что вместо растерянных унтерменшей Павлова и Тимошенко, которых не бьет только ленивый, у него теперь совсем иной противник – опытный, злой и не прощающий ошибок. И самое страшное – неведомый оппонент генерала-фельдмаршала фон Бока действовал таким образом, будто ему вовсе был неведом туман войны², и он точно знал не только расположение всех частей противоборствующих сил в районе, представлявшем для него интерес, но и намерения их командиров.

Прошло уже двое суток с тех пор, как одна из большевистских группировок, прорываясь из окружения, в районе населенного пункта Ивацевичи оседлала танковую магистраль, и теперь 46-й и 47-й моторизованные корпуса Гудериана, развернутые в обратном направлении фронтом на запад, на последних литрах топлива пытаются преодолеть оборону большевиков, усиленную частями пришельцев. При этом немецкие части несут просто ужасающие потери в технике и людях, а к большевистской группировке постоянно подходят подкрепления, постепенно истекающие из вскрытых «белыми демонами» Белостокского и Волковысского котлов. Подвергнувшаяся ударам с трех сторон 131-я пехотная дивизия понесла тяжелые потери и оставила свои позиции под Ружанами, отступив на запад, после чего по дороге Волковыск-Ивацевичи на юг потек непрерывный мутный поток отступающих большевистских частей. Там они попадут под власть опытного волевого генерала, уже проявившего себя в сражении за Слоним и его куратора-пришельца, и из легкой добычи превратятся в тяжелую головную боль для германских войск.

Генерал-фельдмаршал прекрасно понимал, что даже если ценой невероятных усилий у Гудериана получится разблокировать танковую магистраль, то после завершения боев за Ивацевичи пробивная способность участвующих в этой операции подвижных соединений из-за

---

¹ «Призрак» – егеря наземной разведки из роты капитана Вуйкозара Пекоца с включенным комплектом полевой маскировки, превращающем человеческую фигуру в расплывчатое колеблющееся марево.

² Туман войны – военный термин, введенный в 1832 году в трактате «О войне» прусским военачальником и теоретиком Карлом фон Клаузевицем, обозначающий отсутствие достоверной информации о текущей обстановке на поле боя в силу тех или иных объективных причин. В широком смысле слова термин может применяться иносказательно о недостоверности данных или неизвестности состояния сил и занимаемых позиций на театре военных действий или театре войны.

высоких потерь упадет до нуля. В итоге 46-й и 47-й моторкорпуса потребуются на длительное время выводить из боев для пополнения техникой и личным составом, а это грозит срывом сроков выполнения текущих и последующих задач по плану «Барбаросса». При этом надо учесть, что уничтоженную противником 17-ю панцердивизию придется формировать заново. Немного лучше положение обстоит в 24-м моторкорпусе у фон Швеппенбурга, который медленно, под непрерывными бомбоштурмовыми ударами «белых демонов» и большевистской авиации продвигается к Минску со стороны Слуцка. Но и там потери достаточно велики, и, кроме того, 24-й моторкорпус также отрезан от материального снабжения и должен рассчитывать только на возимые запасы (как и остальные соединения 2-й панцергруппы).

Второй воздушный флот, нынче фактически уничтоженный «белыми демонами», больше не может оказывать поддержку подвижным соединениям, так что теперь даже тихоходные и плохо защищенные устаревшие русские бомбардировщики превратились в серьезную угрозу для наступающих войск. При этом русские пилоты наносят удары с высоты в полтора-два километра, и добиться прямого попадания в танцы у них получается крайне редко, поскольку это может произойти только случайно. Но зато для такой бомбежки оказались очень уязвимы грузовики, перевозящие различные припасы и танцегренадер, а также полугусеничные тягачи, буксирующие пушки. Каждый вышедший из строя грузовик или тягач уменьшает пробивные возможности подвижных соединений. А уж если войсковую колонну своими лучами смерти причесывают снизившиеся для атаки «белые демоны», то пощады нет даже «тройкам» и «четверкам». Никогда раньше вермахт не попадал еще под такой плотный террор с воздуха, прежде именно люфтваффе господствовало в воздухе, поднося победы наземным войскам на блюдечке с голубой каемочкой.

Даже легкое касание такого луча обещало танцернам тяжелые неприятности. То пушку вместе с маской к башне приварит, то башню к корпусу, а то гусеницу к каткам прихватит, так что не отдерешь. И это не считая «банальных» пробитий брони, воспламенения возимого в канистрах запаса топлива и прочих случаев, когда беспокоиться экипажу уже особо не о чем, потому что покойникам как-то все равно, от чего они умерли. В таких условиях до столицы Советской Белоруссии фон Швеппенбург, конечно, как-нибудь доползет, и даже вступит в с большевиками в бой на южном фланге Минского УРа, но это все, на что он будет способен. Даже если прищельцы прекратят помогать большевикам и оставят вермахт в покое, ни о каких глубоких прорывах до пополнения людьми и техникой не может быть и речи.

От этой мысли Федор фон Бок скривился как от зубной боли. И если солдаты в Германии еще найдутся, то о пополнении техникой можно и не мечтать. Понадеявшись на легкую победу над Советами, фюрер германской нации перед самым началом похода на восток резко сократил производства танцеров. Мол, и тех, что уже наделали, вполне хватит для того, чтобы полностью разгромить большевиков, а чтобы сражаться с Британией и Америкой, нужны уже не танцеры, а линкоры. А тут вот как получилось – вовлеченные в сражение на центральном участке фронта танцегдивизии тают, как кусок сахара в стакане крутого кипятка, при этом среди поврежденных танцеров процент ремонтпригодных удручающе низок. Хорошо если ремонтники, как следует поработав автогенем, смогут собрать один исправный танцер из трех подбитых. Теперь все, что Германия может экстренно отправить на фронт – это три учебных танцегдивизии из Франции, укомплектованные французской же техникой. Техника – ужасный хлам, да и танкисты не лучше – новобранцы недавнего призыва, только что приступившие к учебному процессу по освоению техники.

Единственная надежда на пехоту, которая была хороша в прошлой войне, и не должна подвести сейчас. Пехотные дивизии 4-й армии, первоначально предназначенные для замыкания с юга малых клещей³ под Волковыском, теперь получили значительно более важное зада-

³ Тактический прием «Двойные клещи» заключается в создании двух колец окружения. Пехотные части, вошедшие в

ние навалиться на большевистскую группировку под Ивацевичами с запада и северо-запада и совместно с подвижными соединениями Гудериана обеспечить разблокирование танковой магистрали. В противном случае на правом фланге группы армий «Центр» наступит оперативный коллапс, после чего ни о каком следовании плану «Барбаросса», а тем более о соблюдении сроков, не может быть и речи.

Но, даже отдав приказ о перегруппировке пехотных соединений и изменении цели операции, Федор фон Бок не верил в эффективность этого хода, потому что у командующего пришельцев, манипулирующего большевиками как куклами-марионетками, в любой момент может найтись очень нестандартный и эффективный антиход, который просто никому пока не приходит в голову. Своих сил у этого монстра от тактики явно очень немного, и в основном он вынужден манипулировать оторванными от своего командования большевистскими окруженцами, что у него получается вполне мастерски.

На левом фланге группы армий «Центр», у третьей танцгруппы генерала Гота обстановка складывалась значительно благоприятнее, даже несмотря на то, что тот также потерял от действий «белых демонов» одну танцдивизию. Там, севернее Минска демоны не участвуют в сражении своими сухопутными частями, коммуникации Третьей танцгруппы находятся в относительной безопасности и бои идут уже на ближних подступах к Минску. При этом 20-я моторизованная дивизия в результате обходного маневра второй раз за два дня (первый раз это была выбомбленная демонами 7-я танцдивизия) перерезала магистраль Минск-Москва. Но, несмотря на внешне достигнутый успех, генерал Гот не торопится. После того как попытка с ходу ворваться в Минск оказалась обреченной на неудачу, он заявил, что не сдвинется и с места, пока к городу не подойдет приотставшая пехота 9-й армии. В душе фон Бок одобрял такую осторожность, но вышестоящее командование требовало от него исполнения предварительно намеченных сроков проведения операции, что было связано с неоправданным риском. И отвечать, если что-то пойдет не так, будут не Браухич, Гальдер, Йодль, Кейтель и иные, а как раз он – фон Бок. Впрочем, сейчас там, на востоке, начинается новый день, и битва, только чуть притихшая на ночь, разгорается с новым ожесточением.

* * *

1 июля 1941 года, утро, Ивацевичи.

Капитан штурмовой пехоты Ария Таним.

Коротки летние ночи на Старой Земле. Казалось, только недавно мы прощались с закатом, и уже время встречать рассвет. Всю ночь между плацдармом и основной частью страны Эс-Эс-Эс-Эр непрерывным конвейером сновали наши шаттлы, которые вывозили раненых, а обратно в основном доставляли боеприпасы. Местные войска, ведущие интенсивное сражение, потребляют чертову уйму этого добра, и мы им в этом помочь никак не можем. Тихоходные местные летательные аппараты, обладающие к тому же недостаточной грузоподъемностью, местное командование решило к нам не присылать, тем более что подходящего ровного поля для их посадки и взлета поблизости не оказалось. Да, и немного их у страны Эс-Эс-Эс-Эр, при том, что объем необходимых перевозок весьма значителен, а угроза со стороны противника для транспортных летательных аппаратов весьма велика. Наши орбитальные челноки, работая в атмосферном режиме, сделают это дело и значительно быстрее и безопаснее.

Я знаю, что мы здесь выполняем крайне важную стратегическую задачу, удерживая за хвост наступление дейчей на одном из главных направлений. Я, конечно, всего лишь капитан, и

проделанный танками прорыв, замыкают малые клещи на расстоянии 100–150 километров от бывшей линии фронта, окружая обороняющиеся войска, а танки и моторизованная пехота идут дальше и замыкают вторые «большие клещи» на удалении около 400 километров от линии фронта, охватывая тылы и резервы.

к тому же не тактик из темных эйджел, а ротный командир штурмовой пехоты, но чтобы понять важность нашей позиции, особые таланты не нужны. Способности самостоятельно находить узловые точки, захват которых разрушает связность вражеской позиции, нас учат еще на первом курсе офицерского училища. Конечно, в большинстве случаев задачу перед штурмовой пехотой ставят тактики, но может сложиться такая обстановка, что мы будем оторваны от командования, и тогда каждая командир роты будет самостоятельно выбирать то место, за которое она вместе со своими девочками будет сражаться и умирать с максимальной пользой для Империи.

Наше вчерашнее подкрепление (освобожденные из лагеря для военнопленных) кидалось на врага в рукопашную с одними примкнутыми штыками. А все потому, что оружием-то мы их снабдили, а вот патронов на захваченном складе, где дейчи хранили трофеи, почти не имелось. Бились местные русские воины отчаянно, и многие из них были убиты или тяжело ранены, но в рукопашной схватке сумели отбросить и устрасить врага своей неистовой яростью, к которой и мои девочки добавили малую толику, вдребезги раздолбав элитных солдат дейчей из дивизии Дас Райх. Впрочем, будь у местных солдат в достатке патронов, я бы посоветовала моему генералу избрать другую тактику: оставив рукопашную схватку на сладкое, для начала хорошенько расстрелять вражеских атакующих солдат шквальным огнем в упор. У них же, в отличие от нас, нет ни персональной брони, ни защитных силовых щитов – ну чисто «мясо в серой экономичной упаковке».

Кстати, о мясе. Мой вчерашний пленник до сих пор жив, и я, честно говоря, не знаю, что с ним делать. Пленных наша группа не берет, а те, кого в плен все-таки взяли, загнаны в загородку, в которой сами дейчи держали русских пленных, а там такие условия, что, по моему мнению, гуманнее было бы просто расстрелять этих людей. Для моего личного пленника такие условия не подходят, ведь я не для того проявляла милосердие и гуманность, чтобы сгноить мальчишку в этом свинарнике. Мы, бойцы штурмовой пехоты, суровы, но отходчивы, и сентиментальность нам отнюдь не чужда. В Старой Империи этот пленный из хумансов мог бы стать моим личным пеоном (одна из привилегий офицерского статуса), но в новых условиях его положение было неопределенным.

Однако я все равно приказала своим девочкам отнести своего личного пленного к нашему ротному фельдшеру Колине Ла. Та сначала сделала ему пару уколов, чтобы снять шок и подавить возможную инфекцию, потом покопалась в ране своим автомедом, наложила несколько внутренних и внешних швов, после чего сказала, что ничего страшного нет, выздоровление идет хорошо, и, если позволят обстоятельства, больной непременно будет жить долго и счастливо. Мол, не в пах же штыком моего красавчика ударили, на самом деле... А все остальное, дескать, до свадьбы (то есть за три дня) заживет. Наши лекарства, они такие.

Однако, какое дурацкое предположение – будто я собираюсь использовать пленного дейча для сексуальных надобностей, предпочтя его моему генералу... Впрочем, я не стала опровергать этой догадки, только насмешливо фыркнула. И вот теперь этот дейч лежит на выделенной для него подстилке, тихонько скулит как побитый щенок, следит за мной взглядом по-собачьи преданных синих глаз и называет меня не иначе как «фройляйн гауптман». А все потому, что боится остаться без моей защиты и быть убитым первым же подошедшим сюда русским солдатом, а они весьма суровы по отношению к его соплеменникам.

Я даже узнала его имя – оказалось, что этого юного дейча зовут Альфонс Кляйн. И при этом я даже не понимаю – зачем мне этот Альфонс и что я буду делать с ним дальше? Что он мне, косы будет заплетать (как ординарец-сибха, которая осталась у меня на корабле) или после выздоровления бегать по моим поручениям? Первого он явно не умеет, а второго ему доверять пока нельзя, вся его лояльность держится на страхе быть внезапно убитым, если он вдруг окажется без моей защиты. И вообще, судьба войны переменчива: сегодня я здесь, а завтра буду в другом месте, куда этот Альфонс не сможет последовать. И что тогда – отдать

его в местный лагерь военнопленных (что в окружении означает верную смерть) или убить собственной рукой, как это и надо было сделать с самого начала, когда я просто не смогла поднять нож на взмолившееся о пощаде беззащитное раненое существо?

* * *

Тогда же и там же, рядовой вермахта Альфонс Кляйн.

Я не хотел воевать. Война всегда внушала мне отвращение; я вообще не понимал, зачем это нужно – идти покорять какие-то другие народы, когда нам и так хорошо живется. Я хотел стать фермером, как мой отец. Хотел выращивать коз и овец, возделывать землю. Пока я был мальчишкой, бушующая в Европе война казалась мне чем-то очень далеким, мало касающимся лично меня. Да, фюрер каждый день вещал из радиоприемника, но в нашей семье никто не воодушевлялся его пламенными речами. Отец, слушая фюрера, мрачнел, тяжело вздыхал и переглядывался с матерью, которая чуть качала головой и поджимала губы. О войне у нас в доме не говорили. Родители никак не комментировали происходящее, но тем не менее я подспудно ощущал, каково их истинное отношение к этому всему.

Я жил довольно-таки безмятежно, помогал отцу и в поле и по хозяйству, и даже не задумывался о своем будущем, которое и без того было ясным для меня, другого я себе и не желал. И я не понимал, почему вдруг с некоторых пор отец стал как-то странно на меня поглядывать – с тревогой и затаенной болью. А мать стала какая-то тихая и чрезмерно заботливая, и в ее глазах тоже таилось тщательно скрываемое беспокойство. Да, я не понимал, я избегал думать об этом, интуитивно чувствуя, что ответ принесет мне беспокойство и страх и навсегда лишит привычного покоя.

Я был единственным, поздним сыном своих родителей, которым сейчас было уже под шестьдесят. Всю свою жизнь я чувствовал их огромную любовь, и, конечно, собирался отдать им эту любовь сполна, утешая и поддерживая их в старости... Но внезапно все рухнуло. Наше безмятежное существование разлетелось на осколки, когда меня призвали в армию. Это произошло через два дня после того, как мне исполнилось семнадцать...

Мать сразу как-то поблекла, постарела, стала суетливой и одновременно рассеянной; при этом все валилось у нее из рук. Отец пытался узнать о способах избавления меня от воинской повинности; он был готов на любой подкуп, на аферу, но у него ничего не вышло. Слишком серьезны были планы нашего фюрера... Война в Европе шла уже второй год, на носу было вторжение в Большевицкую Россию, и вермахт требовал как можно больше новых солдат в качестве пополнения. О большевиках в тот момент я знал только то, что все они как один евреи, и что, стоит им прийти в Германию, как они сразу же отберут нашу ферму, чтобы организовать kolchose, а нас самих сошлют в дикую Сибирь к белым медведям.

Когда я уже стоял у порога со своим походным ранцем, мать вдруг рухнула передо мной на колени. Она обхватила мои ноги и принялась голосить: «Только вернись живым, сыночек мой! Умоляю, вернись живым!!!» И настолько неожиданным было такое поведение моей обычно сдержанной матери, что и я, и отец, замерли в каком-то оцепенении. А потом отец стал поднимать ее, успокаивать, а у меня в груди при этом что-то клокотало такой черной, невиданной тоской, что мне хотелось кататься по полу и выть... Но я совладал с собой. Я спокойно улыбнулся, обнял мать и сказал уверенным голосом: «Конечно же, я вернусь живым, мама! Даже не сомневайся!»

Дальше, когда я уже явился на призывной пункт, все для меня происходило словно в тумане; я все еще не готов был осознать до конца, что иду на войну убивать людей. Людей, которых не знаю и которые, собственно, не сделали мне ничего плохого. При этом я чувствовал, что иду на верную смерть. Во мне не было злости и ярости, что должны воодушевлять солдата доблестного вермахта. И это отличало меня от других призывников, вместе со мной

проходящих первоначальную подготовку в первый месяц службы. Впрочем, я не мог залезть другим в голову. Вполне возможно, что не одного меня терзали подобные мысли... Когда мы, молодые солдаты, научились всему, что нам следовало знать, наш учебный батальон расформировали на маршевые команды и отправили в генерал-губернаторство (Польшу) в расположенные там пехотные части в качестве пополнения.

Мне, как считалось, повезло – за образцовую дисциплину и успехи в учебе я попал в моторизованные войска. Моим новым местом службы стал 69-й мотопехотный полк, входящий в состав 10-й панцердивизии, 46-го моторкорпуса из второй танковой группы, которой командовал блестящий и непобедимый Гейнц Гудериан. В то время как остальная пехота в наступлении должна была идти пешком, сбивая каблуки сапог и глотая пыль, мы, как аристократы, ехали в кузовах машин, время от времени небрежно поплеывая за борт. Это было где-то в начале июня, а в субботу двадцать первого числа нас вдруг построили и объявили, что фюрер решил объявить войну русским большевикам, которые несправедливо владеют жизненными пространствами, которые так необходимы германской расе. Ну и, естественно, по окончании войны нам всем, солдатам непобедимого вермахта, обещали большие фермы со славянскими рабами. Я же во все это не верил и думал о том, что моя личная ферма на русской земле будет как раз размером с могилу, в которой меня и похоронят...

Мои более опытные товарищи, уже прошедшие и польскую, и французскую кампании, тут же принялись строить планы, как они обогатятся в этом походе на восток. Они говорили, что в наступлении мотопехота все получает первой – и возможность пощупать местных насчет различных ценностей, и их девок, еще свежих и не мятых другими нашими камрадами. К тому же, если тебе попалось что-то стоящее и не удалось сразу отправить посылку домой, то тюк с вещами некоторое время можно везти с собой в грузовике. Мол, все так делают, и фельдфебель против не будет...

Перед первым боем мне было страшно. Впрочем, как и остальным новичкам. Это был холодный, осязаемый страх смерти, который пробирался под одежду и хватал за горло цепкими костлявыми пальцами... Но во мне присутствовало и еще что-то. Это было то самое отчаянное «Не хочу!» Я не хотел убивать. Я считал это неправильным. Ведь это мы пришли на эту русскую землю, а не наоборот. Это фюрер отправил нас сюда... Это ему нужна была эта земля, но не мне, не нам. Лично я вполне обошелся бы фермой своих родителей в Германии. Мне не нужна была чужая земля и рабы, ведь из уроков истории я знал, что рабы всегда очень плохо работают и всегда ломают порученный им инструмент, а он стоит денег. Я пытался вообразить большевиков в виде злобных устрашающих чудовищ, но у меня не получалось... Неизменно в моем воображении представляли такие же обычные люди, как и мы, немцы, и я всякий раз содрогался, воображая, как стреляю в такого же парня, как и я, у которого, возможно, тоже дома остались престарелые родители, ожидающие его возвращения... И с тоскливым ужасом я осознавал, что не смогу стрелять в этих русских. А это значило, что умереть придется мне. И в какой-то момент мне стало казаться, что так будет лучше и правильней. **ВЕДЬ ЭТО НЕ ОНИ НА НАС НАПАЛИ!** Я запретил себе думать о родителях. Я знал, что они не одобряли эту войну. Только в тот момент я понял до конца, что они осуждали фюрера, делая это молча, чтобы не накликать беду на нашу семью...

Что ж, думал я, будь что будет, я стрелять в русских я не стану. Когда я так решил, мне стало легче. Показалось даже, что Бог одобрительно кивнул мне с небес...

Первые несколько дней война проходила так, как нам и обещали. Большевики были разгромлены сразу же, в приграничном сражении, их солдаты бежали или тысячами сдавались в плен; мы же катили на своих грузовиках все дальше и дальше на восток. Я был, наверное, единственным солдатом не только в моем взводе, но и во всем полку, который не обзавелся тючком с трофейными вещами. Да, нам разрешили не только брать брошенное имущество, но и грабить местное население, а почта исправно переправляла все это в Фатерлянд...

А потом настал день, когда с небес пришли демоны, и вся наша веселая прогулка по России полетела кувырком.

Известие о том, что русским помогают пришельцы с небес, поначалу привело нас в шок. Страшные байки (а может, и не байки) ходили среди доблестных солдат вермахта, неизменно вызывая мистический ужас, который некоторые пытались унять при помощи юмора. Но все их шуточки звучали довольно жалко, смех был вымученным, и что-то такое ощущалось в воздухе – неумолимое, темное, грозное – словно тень от крыльев витающей над нами ухмыляющейся смерти... А потом однажды нашу автоколонну с воздуха обстреляли два низколетящих самолета белого цвета с красными звездами на крыльях. Огненные лучи смерти вырывались у них из специальных устройств в основании крыльев. Один такой луч прошел прямо над нашими головами, и мы на мгновение ощутили острый запах озона и наэлектризованность воздуха; другой попал в машину с камрадами из соседнего взвода, и она вспыхнула как факел. Все произошло так быстро, что никто не успел выскочить. Я впервые за свою жизнь слышал, как страшно кричат люди, сгорающие заживо; и ведь это были не какие-нибудь славянские унтер-менши, а мои кригскамрады-однополчане.

Но тот случай был только началом. Нам объявили, что выходящий из окружения враг захватил очень важную железнодорожную станцию в нашем тылу, и теперь для того, чтобы мы могли получать снабжение и отсылать домой посылки, мы должны отбить ее обратно. Нас выгрузили из машин, построили цепями и послали вперед за строем панцеров по узкой полоске земли между болотистым берегом реки и не менее болотистым лесом. Большевики не стали ждать, когда мы приблизимся вплотную, и открыли ураганный огонь из пушек, а потом из пулеметов. Одна наша атака следовала за другой, панцеры вспыхивали как свечи, потому что лучи смерти оказались не только на белых самолетах, но и у вражеской пехоты. Они с легкостью прожигали броню, а если этот луч попадал в человеческое тело, он просто разделял его напополам: ноги отдельно, голова отдельно.

Потом, в самом конце, когда оборона большевиков уже стала истощаться, когда замолчали их пушки, а пулеметы для экономии патронов перешли на короткие очереди, нас подкрепили эсесовским пехотным полком Дас Райх и снова послали в атаку, на этот раз последнюю. И тут нам навстречу из большевистских окопов выметнулась волна каких-то разъяренных оборванных людей и кинулась навстречу, уставив вперед штыки винтовок. И среди них, как воплощение кошмарных снов – здоровенные, коренастые как гориллы и закованные в броню демоны; они приняли голыми руками рвать на части моих кригскамрадов... Это было страшно. Я получил удар штыком в грудь от какого-то русского и свалился на землю без чувств.

Когда я очнулся, все мои камрады были мертвы. Победители – и коренастые демоны, и просто русские – как и тысячу или две тысячи лет назад, ходили по полю и обшаривали убитых в поисках трофеев⁴. Я лежал, и жизнь постепенно вытекала из меня. Боли я не чувствовал, только kloкотание в груди; мне было трудно дышать. Странно – в этот момент мир преобразился для меня каким-то чудесным образом. Все стало как будто ярче и отчетливей. И вместе с тем острая тоска охватила меня, окутала, проникла внутрь... Словно кто-то напоследок пытался донести до меня некую важную истину... Умирая, я внезапно понял, как прекрасна жизнь. Такая сладкая, упоительная, многообразная, удивительная, загадочная и непознаваемая... Каждая травинка, каждое облако – чудо, и сама жизнь – чудо! Почему же мне суждено умереть? Я не готов... Я не хочу умирать... Я еще жив! Не убивайте меня, демоны! Вы же не демоны, правда? вы просто защитники русских... Я никого не убил! Я же всегда стрелял мимо!

И тут я увидел демоницу. Огромная и широкоплечая, обмундированная в некое подобие рыцарских доспехов, на которых виднелись отметины, оставленные штыками наших винто-

---

⁴ На самом деле бойцы собирали только патроны из подсумков убитых немецких солдат, чтобы набить ленты к трофейным пулеметам MG-34.

вок, она надвигалась на меня... Это была сама Неотвратимость – бесстрастная и неумолимая. Мама, папа, простите меня! Я люблю вас. Но эта женщина права. Нас следует убивать – всех до единого, кто посмел прийти на русскую землю. В ее глазах – праведный гнев и холодная ярость. Это мы, мы затеяли эту войну, мы не остановили нашего фюрера, мы рукоплескали ему и захлебывались восторгом от его речей... И всех нас он повел на гибель во имя своей безумной идеи... И пусть я не слушал его речи и не разделял его взгляды, это ничего не меняет, ведь я – один из тех, кто пришел на русскую землю с оружием в руках. А значит, я умру. Это правильно. Так должно быть...

«Только вернись живым, сыночек мой! Умоляю, вернись живым!!!» Я дернулся, словно наяву услышав этот вопль, вытянул руки перед собой... «Нет! Нет! Не убивайте меня!» – кричал я в отчаянии, ощущая руки матери, судорожно цепляющиеся за мои ноги. При этом я не слышал собственного голоса, из горла моего вырывался лишь сиплый шепот.

Она усмехнулась. Страшный нож сверкнул в ее руке. Я даже вспомнил, как в древности назывались такие клинки. Мизерикордия, нож милосердия – такими рыцари добивали раненых врагов, чтобы избавить их от излишних мучений. Могучая, грозная и прекрасная, словно богиня возмездия, эта женщина-гигант медленно приближалась ко мне... Вот сейчас этот нож перережет мне горло – и закончится мое существование... Вот сейчас... Одно мгновение: взмах ножа – и меня больше нет...

Цепenea от предсмертного ужаса, я смотрел в ее глаза – зеленоватые, нечеловеческие, совершенно невысказанные глаза, будто бы светящиеся изнутри. И она тоже смотрела... Ее лицо было прямо надо мной. Наши взгляды сцепились в какой-то бешено вращающийся клубок: мой горячий ужас и жаркая мольба перемешались с ее холодной ненавистью и ледяной решимостью...

И вдруг в глазах ее появилось что-то теплое. Какие-то искры заметались в глубине ее зрачков; все выражение ее лица изменилось, став более мягким... человечным... немного удивленным... Нож дрогнул в ее руке, рука расслабилась и опустилась. Она не убила меня! От радости грудь моя стала непроизвольно вздрагивать, и вот тут-то я и ощутил боль... Но она уже кричала что-то повелительное, как будто была среди своих большой начальницей – и вот уже крепкие руки могучих воительниц-валькирий подхватили меня и поволокли прочь с того места, где нашли свою смерть тысячи германских солдат. Они погибли, а я был жив, жив, жив! Потом меня положили на расстеленную прямо на земле серебристую ткань и суровая коренастая женщина (наверное, фельдшер) копалась в моей пробитой груди своими хирургическими инструментами. При этом она бормотала себе под нос какие-то ругательства, но мне было все равно, ведь я был жив. Потом мою рану заклеили тампоном, после чего фельдшер принялась что-то объяснять моей пленительнице, отчего та только насмешливо фыркнула.

Меня не отправили в концлагерь, а вместо того моя пленительница оставила меня при себе, указав своим подчиненным на подстилку, куда меня следует положить. Потом пришел человек – с виду вполне обычный и разговаривающий на немецком языке примерно с таким же ужасным акцентом, с каким говорят баварские горцы. Он объяснил мне, что теперь я личный пленник, то есть пеон, госпожи гауптмана Арии Таним (именно так звали ту особу, которая не стала резать меня ножом) и что я должен выполнять все указания своей новой госпожи, и тогда все у меня будет хорошо. Потом тот человек ушел, а я свернулся клубочком, прижав колени к груди и постепенно провалился я в блаженное забытие, не испытывая уже ни боли, ни страха... И только лишь благодарностью наполнилось мое сердце, которое билось... билось... Все это значило, что я буду жить! Последним ярким видением перед тем как провалиться в беспамятство, было лицо той, что пощадила меня; в нем сквозило что-то щемяще знакомое, родное, близкое...

* * *

1 июля 1941 года, около полудня. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина.

Проснувшись утром, товарищ Сталин почувствовал что заболел. Отчаянно першило в горле, от боли разламывалась голова, слабость и апатия от высокой температуры были такие, что хотелось лечь, накрыться с головой одеялом и лежать неподвижно, несмотря на навалившиеся дела. Личный врач Сталина, профессор Виноградов, срочно вызванный Власиком на Ближнюю дачу, диагностировал у больного острую респираторную инфекцию (о вирусах до изобретения электронного микроскопа даже не догадывались) и прописал десять дней постельного режима и классические для того времени методы лечения (анальгин, аспирин, горячий чай с малиной и медом, и т. д.). И, самое главное – забыть о делах и лежать, лежать, лежать...

Болезнь десять дней, когда на счету каждый час, вождь не посчитал возможным, и потому, после таблетки аспирина почувствовав временное облегчение, оделся при помощи помощника и поковылял в ту комнату, где квартировала тактик-лейтенант Илина Ке, вместе со своим тактическим планшетом и ординарцем Тусей. В ответ на вопрос, нет ли у нее какого-нибудь чудодейственного лекарства – такого, чтобы принял таблетку, и здоров. В ответ девушка строго отчитала вождя – мол, самолечение еще никого не доводило до добра, тем более что у хумансов и темных эйджел есть небольшие отличия в метаболизме, и лекарство из ее аптечки может не оказать нужного действия, или, напротив, оказать совсем ненужное. Взамен она предложила вызвать на дачу главного врача «Полярного Лиса» товарища Иртаз Далер, чтобы та произвела обследование, поставила диагноз и назначила курс лечения. Излечение без отрыва от производства практически гарантировано, как-никак пользоваться Сталина будет целый врач первого ранга с многолетним опытом. И выглядела Илина Ке при этом так же, как выглядит любящая племянница, отчитывающая любимого дядюшку за неразумное поведение.

Недолго думая (а если честно сказать, то совсем не думая) вождь согласился на это предложение. С одной стороны, Сталину хотелось как можно скорее почувствовать себя здоровым человеком и снова взяться за неотложную работу, ведь время действительно не ждет, и без его пинков ржавая машина советского государства не будет вертеться даже под угрозой уничтожения. А с другой стороны, вождю было очень интересно своими глазами посмотреть, как работает имперская медицина. И это тоже была работа – оценить на своей шкуре, насколько компетентными специалистами комплектовал свои корабли имперский космический флот.

– Самыми компетентными, – сразу после вызова врача в ответ на прямой вопрос высказалась Илина Ке, – ведь если дело происходит на планете, в сложных случаях можно обратиться за советом к старшим товарищам, коллегам, профессорам и академикам. А на борту космического крейсера это совсем не так, там врач вынужден быть универсальным специалистом, который самостоятельно отвечает за жизни членов команды, от командира до последней сибхи из обслуживающего персонала, потому что и сибха – тоже человек.

При последних словах скромно стоящая в сторонке сибха Туся застенчиво улыбнулась, а вождь подумал, что звучит это как-то уж слишком красиво. Что такое пролетарский интернационализм, это было ему понятно, а вот тот уровень понимания общности людей, который демонстрировали имперцы, превосходил все имеющиеся ожидания.

– А немецкие фашисты, товарищ тактик-лейтенант, – спросил вождь, – тоже люди или нет?

– Конечно, нет, – совершенно искренне ответила Илина Ке, – они же других людей за людей не держат, и свои клятвы нарушают, как только им покажется, что это может принести хоть малейшую выгоду. Настоящие люди так не делают.

Тут вождь припомнил материалы, спущенные ему с «Полярного Лиса» для ознакомления с социальной структурой Империи и подумал, что к вопросу равенства людей темные

эйджел относятся между собой несколько легкомысленно. Ведь, несмотря на столетия имперской идеологической обработки, они до сих пор обладают некоторым расовым снобизмом, и свое равенство с обычными людьми, а тем более с сибхами, считают более декларацией о намерениях, чем свершившимся фактом. Зато тех, кто недоговороспособен и не может сдерживать свое слово (не говоря уже о подписанных договорах) они считают последними ничтожествами, хуже чем проклинаемые всеми лица нетрадиционной сексуальной ориентации. И это тоже факт в копилку его личного наблюдения за имперцами, убежденными в том, что чем больше общество похоже на их Империю, тем оно лучше.

Доктор Иртаз Далер прибыла довольно быстро. На то, чтобы собрать все что необходимо для экспресс-диагностики и на посыльном челноке спуститься на поверхность планеты, ушло совсем немного времени. Когда тебя вызывает сам Император, обычно не мешкают, думая, что же надеть по такому случаю, чай не допивают и партию в карты не доигрывают. Первым делом доктор Далер закрепила на правом запястье своего высокопоставленного пациента браслет автодиагноста, после чего своим приятным голосом, со специфическими «медицинскими» интонациями, призванными загипнотизировать и вызвать доверие у пациента, взялась за опрос вождя на предмет жалоб, где и как болит.

В данном случае это было сочетание приятного с полезным: пока пациент отвечает на вопросы, автодиагност анализирует его общее состояние, температуру тела, давление, пульс, содержание в крови лейкоцитов, эритроцитов и токсических веществ, а также пытается выделить возбудителя болезни, если, конечно, таковой имеется в наличии и известен справочной базе. А иначе никак – если обнаружится неизвестный имперской науке враждебный агент, то пациента госпитализируют в стационар на крейсере и изучат его болезнь по всем правилам с употреблением диагностического оборудования первого класса – так уж положено. Не пеона ведь печат, а самого будущего Императора, сиречь Верховного Главнокомандующего.

Но, к счастью, обошлось без этого. Не успела еще Иртаз Далер закончить опрос, как автодиагност пискнул и выдал результат своей работы на планшет врача. Ничего особо сложного для имперской медицины у вождя не наблюдалось, всего лишь острая респираторная инфекция, развившаяся на фоне пониженного из-за переутомления иммунитета. Дела было, как говорится, на пять минут. В смысле, пять минут потребовалось, чтобы сменить автодиагност на гораздо более массивную «аптечку», которая по заранее разработанной программе принялась подавать в кровь пациента необходимые лекарства, сверяя результаты лечения с диагностическим блоком, который у аптечки был гораздо скромнее, чем у автодиагноста.

Напоследок, когда Сталин уже почувствовал ощутимое облегчение (это вам не таблетка аспирина), доктор Далер сказала, что через сутки она прибудет с повторным визитом для корректировки лечебной программы, и надеется, что все у ее пациента будет хорошо; главное – избегать факторов риска, не попадать под сквозняки и не переутомляться. Вождь вспомнил, как не далее как вчера товарищ Иртаз Далер «защищала» перед ним госпитализированного на крейсере маршала Шапошникова, и спросил, как обстоят дела у Бориса Михайловича... Доктор Далер в ответ хмыкнула и ответила, что болезнь у Шапошникова гораздо серьезней, чем у самого вождя; рак желудка – это не респираторная инфекция, но, несмотря на то, что процесс лечения только начат, прогноз вполне благоприятный, так что, мол, месяца через два получите своего начальника Генерального штаба во вполне работоспособном состоянии. Но сейчас его лучше не беспокоить, ибо это чревато срывом лечебного процесса.

Отпустив врача «Полярного Лиса», почувствовавший прилив сил Сталин первым делом снова посетил тактическую комнату и убедился, что никаких изменений к худшему не произошло. В той обстановке, когда начальник генштаба Жуков не может ответить на вопросы не только по поводу противника, но и расположения собственных войск, установленный в этой комнате тактический планшет становится спасением и настоящим божьим благословением.

– Да, – сказала Илина Ке, – так и есть. Очень многие ваши командиры, и даже тактики, считают разведку пережитком этого самого – как его там – капитализма, и в связи с этим действуют без всякой связи с окружающей обстановкой, мол, все равно учение Ленина всесильно, а значит, победить можно только за счет пролетарской сознательности и всеобщего воодушевления, без всякой разведки. А это в корне неверно, и дейчи регулярно наказывают красных командиров за такое грубое заблуждение. Тут, кто не знает реального расположения сил противника и его намерений, считай, уже почти проиграл – и это так же верно, как и то, что небо на Старой Земле синее, огонь горячий, а вода мокрая.

Угрюмо кивнув, вождь продолжил вглядываться в значки на планшете. Сражение вокруг Ивацевичей продолжается полным ходом, пополнившая за ночь боеприпасы и избавившаяся от раненых группировка генерала Борзилова продолжает отбивать атаки, которые с сегодняшнего дня осуществляются сразу с двух сторон. С востока, со стороны Барановичей, атакуют ошметки моторизованных корпусов, дохлебывающих последние остатки горючего и доедающих последние галеты и консервы. Одновременно с запада, от Березы-Картузской, с сегодняшнего дня начались атаки немецких пехотных дивизий, прежде не участвовавших в сражении и лишь сегодня дошедших до линии соприкосновения, а значит, не понесших серьезных потерь.

Впрочем, советские бойцы, вдосталь снабженные боеприпасами и успевшие оборудовать позиции, встречают атаки немецкой пехоты самым серьезным образом, так что за потерями у немцев дело не станет. Значки отбитых атак множатся буквально на глазах, и так же быстро убывает сила атакующих немецких дивизий, которых, впрочем, сменяют все новые и новые вражеские соединения, подходящие с запада. Но в то же время к генералу Борзилову из Белостокского и Волковысского котлов тоже подходят дополнительные силы окруженцев, что увеличивает его способность продержаться в Ивацевичах как можно дольше. Пока советские войска отрезают уже истощившие свои возможности немецкие соединения от собственных тылов, лишая их подвоза топлива и боеприпасов, то никакого наступления на центральном участке фронта у немцев в ближайшее время не получится.

Тут надо сказать, что генерал Болдин, чей штаб до сих пор находится в районе Слонима, занят в основном организационными задачами, формируя на базе остатков мехкорпуса генерала Мостовенко мощную мотоманевренную группу, готовящуюся нанести удар во фланг вражеской группировке, а генерал Борзилов непосредственно управляет сражением под Ивацевичами. При этом все тактическое обеспечение Слоним-Ивацевичской зафронтовой операции осуществляет старший тактик «Полярного Лиса» Ватила Бе, и если бы не она, то никто бы не знал, что ему следует делать.

Одновременно со сражением на коммуникациях второй танковой группы, постепенно разгорается и битва за Минск. Немецкие части охватили столицу Советской Белоруссии с трех сторон, так что свободной оставалась только автомобильная и железнодорожная магистрали Минск-Бобруйск и шоссейная дорога Минск-Могилев, по которым под надежным прикрытием истребительной авиагруппы «Полярного Лиса» продолжалась эвакуация гражданского населения и промышленных предприятий. Эту эвакуацию прикрывали ожесточенные бои под Заславлем, Смолевичами, Фаниполем и Самохваловичами. Кроме того, выслав делегатов связи, генерал Рокоссовский активно подчиняет себе разрозненные подразделения отступающих мимо Минска остатков разбитых в предыдущих боях дивизий 21-го и 47-го стрелковых корпусов. Это вождь видел по тому, что разрозненные части, прежде суетившиеся южнее и западнее Минска кто во что горазд, теперь идут к городу как лососи на нерест, чтобы включиться в предстоящую битву.

И хоть по-настоящему сражение за город еще не началось, развернулся командующий минской зафронтовой армейской группой круто, используя свои диктаторские полномочия на полную мощность. Не ошиблись, значит, имперские специалисты Ватила Бе и Малинче Евксина в этом человеке. Именно благодаря ему в объявленном на осадном положении городе

снова есть советская власть, функционируют военкоматы, а население организовано вывозится за пределы зоны боев. Партийных же и советских деятелей Минска, «заблаговременно» ушедших в подполье, Рокоссовский извлек железной рукой из их нор и, не взирая на личности, погрузив в транспортный ТБ-3, отправил на Большую Землю, чтоб не мешались под ногами. Благо, расположенный на южной окраине города аэродром до сих пор не занят немцами и все еще действует.

Если верить имперскому планшету (а не верить ему нет никаких оснований), основные события в полосе бывшего⁵ Западного фронта начнутся не ранее чем через два-три дня. Есть время заняться другими вопросами. То, что товарищ Рокоссовский оказался на своем месте, это, конечно, очень хорошо. Вождь вспомнил, как вчера вечером в его кабинете зазвонил телефон ВЧ; спокойным, чуть уставшим голосом Рокоссовский доложил, что он прибыл в Минск и приступил к обязанностям командующего зафронтовой армейской группой. А после скудными и короткими словами поведал о том, какая обстановка была в брошенном городе к его прибытию и какие меры противодействия разлагающим и просто паническим настроениям, вызванным действиями предыдущего командования, он намерен предпринять.

С другой стороны, не стоит забывать, что одним Рокоссовским и предстоящим ему минским сражением дело не исчерпывается. Задача Рокоссовского – выиграть время, чтобы части Второго Стратегического Эшелона успели полностью развернуться, образовав по Днепру новый Западный фронт. И тут вождь подумал – а что если новый командующий Западным фронтом окажется таким же нераспорядительным говнюком, как и генерал Павлов и не сумеет воспользоваться выигранным для него временем? Тогда все, что делается сейчас, на что возлагаются такие надежды, окажется напрасным, и вместо нерушимой стальной обороны на Днепре германскую армию встретит такой же рыхлый частокол из отдельных, плохо связанных между собой соединений, вроде того, какой немцы один раз уже разломали на границе.

Нет. Западному фронту нужен не просто командующий. Ему нужен компетентный командующий, который сумеет грамотно использовать выигрыш времени, добытый Рокоссовским и Болдиным, и превратить Днепр в непреодолимый рубеж для вражеского нашествия. Вождь посмотрел на Илину Ке и подумал, что если уж имперцы смогли с орбиты определить местонахождение одного-единственного человека с нужной им структурой личности, то и проверить на лояльность и профессиональные способности тех, кто вхож в этот дом, для них тоже не представит особого труда.

– Так точно, товарищ Верховный Главнокомандующий, – ответила Илина Ке, – проверить ваших, гм, графов и генералов на лояльность и профессиональные качества вполне возможно. Для этого в вашем кабинете необходимо установить психосканирующий комплекс, как в кабинете профориентации...

«Вот именно, – подумал вождь, – некоторые из партийных деятелей ведут себя так, будто они какие-нибудь графья, об этом мне уже много раз докладывали. Детишек и родственников в ущерб интересам дела проталкивают на «теплые» места. Зато имперские графья, судя по рассказам таких, как эта Илина Ке, ведут себя как вменяемые и ответственные товарищи, до конца отвечающие за свой участок работы. А насчет родственников – ни-ни, даже не пытаются... Профориентацию не обойдешь. Говорят, что это факт. А может, и не только говорят, ведь в команде «Полярного Лиса» все – от командира, до последнего оператора – находятся на своих местах. Эффект их вмешательства в войну налицо, даже если не считать прямого участия в боевых действиях. Если бы с такой тщательностью пред войной подбирали членов

⁵ Новый Западный фронт создавался из срочно выдвигающихся на рубеж Днепра частей второго стратегического эшелона. С 30-го июня его командующим, взамен отстраненного Павлова, был временно назначен генерал-лейтенант Еременко, в нашей реальности 2-го июля его сменил нарком обороны маршал Тимошенко, но в мире «Полярного Лиса» на эту должность сразу был назначен генерал армии Жуков. То что было Западным фронтом в первую неделю войны теперь превратилось в две зафронтовые армейские группы, которыми командуют генералы Болдин и Рокоссовский.

ЦК, наркомов и армейских генералов, то не понадобились бы никакие пришельцы. Слишком уж дорого обходятся стране некомпетентные руководители...»

– Тогда, товарищ тактик-лейтенант, – сказал Сталин вслух, – свяжитесь со своим командованием и спросите, сколько у них уйдет времени на то, чтобы установить подобное оборудование в моем кабинете? И еще желательно сделать так, чтобы о его существовании не было известно никому, кроме меня самого...

* * *

1 июля 1941 года, поздний вечер. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина.

Вечером вождь вызвал к себе всю военную верхушку. Куратора по партийной линии РККА товарища Маленкова, наркома обороны Тимошенко, бывшего начгенштаба и нового командующего Западным фронтом генерала армии Жукова, его предполагаемого начштаба генерал-лейтенанта Соколовского, начальника оперативного отдела генштаба генерал-лейтенанта Маландина, и его зама генерал-майора Василевского, который в отсутствие маршала Шапошникова, фактически через голову своего начальника, исполнял его обязанности. И, конечно же, на Ближнюю дачу был вызван бывший командующий Западным фронтом генерал армии Павлов. Последнего пригласили для того, чтобы прояснить некоторые неясные моменты последних предвоенных и первых военных дней. На встрече присутствовал и милейший Лаврентий Палыч Берия, и отсутствовали моряки с летчиками. С них вождь снимет стружку в другой раз. Ну и, конечно же, самым важным фактором той встречи был тот самый психосканирующий профориентационный комплект, собранный из оборудования из ЗИПов «Полярного Лиса» и установленный в кабинете у вождя.

Команда серых работала в том кабинете на продолжении шести часов, и после их ухода кабинет выглядел так же как и прежде, за исключением того, что на столе в придачу к телефонам ВЧ и внутренней связи появился небольшой прибор с экраном. Помимо всего прочего, через этот прибор, не беспокоя «чемоданчик», можно было связаться как с «Полярным Лисом», так и со всеми абонентами, имеющими имперское коммуникационное оборудование. Но это была только часть его функций, как и наши персональные компьютеры, способны делать значительно больше, чем просто раскладывать пасьянс «косынка».

Все дело было в том, что разбирательство на тему «кто есть кто» Иосиф Виссарионович решил начать с военных высшего эшелона, ибо этот вопрос не терпел уже никаких отлагательств. Командующего на Западный фронт следовало назначить как можно скорее, и это должен быть как можно более компетентный командир, а не еще один генерал Павлов... Так вот – полученные результаты в буквальном смысле шокировали товарища Сталина. Нарком обороны, главнокомандующий (к счастью, не верховный) красный маршал Тимошенко был оценен системой профориентации очень низко. Илина Ке, помогавшая вождю интерпретировать результаты, сказала, что с такими показателями из товарища Тимошенко получится только заведующий вещевым складом. Неудивительно, что с началом войны все у него стало валиться из рук. Вождь решил, что в самое ближайшее время маршал будет снят со своей должности и направлен в такое место, где никому и ничему не сможет навредить.

А ведь именно Тимошенко первоначально предполагалось назначить на место злосчастного Павлова. И только вмешательство имперцев позволило изменить кандидатуру будущего командующего Западным фронтом. Правда, при этом Ватила Бе, когда давала свой совет, не прибегала к комплекту для профориентации, а давала оценку «на глаз», но глаз оказался алмаз. И в самом деле, комплект для профориентации очень высоко оценил генерала армии Жукова как командующего войсками, и в то же время показал, что у него нет никаких способностей к штабной работе. Еще одним результатом проведенного совещания с тайной проверкой было то, что на Западный фронт завтра вместе с Жуковым в качестве начштаба фронта поедет не

генерал Маландин, оказавшийся серой посредственностью⁶, а его бывший зам генерал Соколовский... Генерал-майор Василевский, несмотря на свою молодость и небольшое звание, был утвержден в качестве первого заместителя Шапошникова, исполняющего его обязанности во время отсутствия начальника генштаба по болезни. Как в свое время сказал Козьма Прутков: «Каждый неизбежно причиняет пользу, будучи употреблен на своём месте». И теперь вождь понимал, что перед войной с правильным применением в РККА имеющихся кадров было, мягко говоря, не очень хорошо.

Кстати, о генерале Павлове, послужившем поводом для этого совещания. Его арестовали сразу после совещания и в сопровождении товарища Берия отправили «наверх», на «Полярный лис», для принудительного ментоскопирования. А все из-за того, что психосканер показал, что при достаточно высоком уровне компетенций этот человек выглядит как так называемый чемодан с двойным дном. А вот это уже совсем другая история.

* * *

2 июля 1941 года, 01:25 мск, Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Когда Сталин, распуская совещание, посвященное катастрофическому развитию событий на Западном фронте, сказал: «Все, товарищи, совещание закончено, все свободны», генерал армии Павлов подумал было, что для него лично все обошлось вполне благополучно, и самое большое, что ему грозит – это понижение в должности и звании. Но при выходе из кабинета ему навстречу синхронно шагнули двое в чекистской форме и еще один сотрудник органов каким-то образом очутился сзади, приставив к спине опального генерала свой пистолет.

– Гражданин Павлов, – сказал один из чекистов, пока второй вытаскивал из генеральской кобуры личное оружие, – вы арестованы по подозрению в совершении государственной измены. Руки за спину и следуйте за нами. Разговаривать не разрешается. Шаг вправо, шаг влево приравнивается к побегу, конвой стреляет без предупреждения.

Выслушивая эти слова, Павлов чувствовал, как на запястьях его отведенных назад рук защелкиваются браслеты наручников, будто говоря о том, что обратного пути с Голгофы уже не будет.

Со скованными за спиной руками, обезоруженного и растерянного Павлова вывели на залитую неземным бело-голубым светом лужайку за домом вождя (от неожиданности он даже зажмурился), где стоял странный аппарат, похожий на сложившего крылья гигантского толстенького птеродактиля. Там, бывшего командующего Западным военным округом, сняв с него наручники, передали в руки здоровенному гориллообразному монстру, экипированному в нечто похожее на рыцарские доспехи и шлем, снабженный глухим забралом из затемненного стекла. Монстр принял Павлова у чекистов, хмыкнул что-то нечленораздельное, развернул «кругом» и ладонью легонько подтолкнул в сторону хвостовой части аппарата, где светился проем раскрытого десантного люка. При этом у конвоируемого было ощущение, что в спину его толкает как минимум тяжелый танк. Бывший командующий западным фронтом понял, что если он не пойдет сам, это существо отнесет его внутрь за шиворот как нашкодившего кутенка. И сопротивляться бесполезно, ибо в случае необходимости его завяжут хоть морским узлом.

Но на этом сюрпризы для генерала Павлова не закончились. Внутри, сидя в мягком кресле и поблескивая стеклышками пенсне, его ждал криво улыбающийся Лаврентий Палыч Берия, собственной персоной.

---

⁶ Генерал-лейтенант Маландин – единственный из советских генералов, прошедший всю войну в одном и том же звании и постоянно понижавшийся в должности – заместитель начальника генштаба, начальник штаба фронта, заместитель начальника штаба фронта, начальник штаба армии.

– Ну, что, Дмитрий Григорьевич, – сказал он бывшему комфронта, – допрыгался, козел? Кончилось твое счастье, и отвечать теперь за все придется по полной программе. Жаль только тех наших товарищей, которые уже погибли или еще погибнут по твоей вине. Ну ничего, товарищи наверху с тобой обязательно разберутся, они это умеют, а мы уж им поможем.

В этот момент гориллообразный монстр в доспехах толкнул Павлова в другое кресло, сказал на чистом русском языке: «Сидеть и не двигаться», после чего сам сел напротив. Десантный люк закрылся, а вибрация пола и некоторое увеличение веса подсказали, что аппарат начал взлет. И в этот момент Дмитрий Павлов подумал, что весь этот разговор со Сталиным, когда тот дотошно выпытывал у него подробности событий первой недели войны, этот арест и полет на неведомом аппарате в компании с Берией и гориллообразным монстром куда-то «вверх» никак не могут происходить в действительности. Все это кошмарный сон⁷, и ничем иным быть не может. Достаточно покрепче ущипнуть себя за руку, и все пройдет. Этот бредовый кошмар кончится, он проснется в своей постели, а на календаре снова будет последнее предвоенное утро двадцать первого июня, когда все у него еще было хорошо...

Но кошмар прекращаться не пожелал, сколько ни щипал себя бывший командующий Западным фронтом. А вот вслед за попыткой встать с кресла он получил толчок в грудь и услышал угрожающий рык гориллообразного монстра: «Я же сказала, мерзкий предатель – сидеть и не двигаться!», после чего перед его лицом появился кулак в бронированной перчатке, размером не меньше чем с голову взрослого мужчины.

– Полегче, товарищ Вета, ты же его убьешь, а он нам еще нужен, – сказал Берия перед, этим с интересом наблюдавший за тем, как Павлов, ерзая и кривясь, с увлечением щиплет себя за разные места.

– Не убью, товарищ генеральный комиссар государственной безопасности, – серьезно ответила Вета, отодвигаясь от вжавшегося в кресло Павлова, – я просто пошутила, чтобы он вел себя смирно. Не люблю предателей!

– Если ты, Вета, не любишь предателей, – раздался по громкой трансляции еще один женский голос, – это значит, что ты просто не умеешь их правильно готовить...

Павлов представил себе еще одного такого же мускулистого монстра – в наглухо закрытом шлеме, за штурвалом, и мысленно содрогнулся. Видимо, Сталин с Берией не понадеялись на своих костоломов в Большом Доме на Лубянке и решили передать его в руки этим чудовищам. Такое и в самом деле прибудет его одним щелбаном, просто по неосторожности...

– А мне и не надо уметь его готовить, – из-под забрала глухо ответила Вета, – мы, штурмовая пехота, пленных не берем. Вообще. Не наша это работа. А вожусь я с этим скунсом из-за того, что все егеря заняты, дейчей гоняют, а наша рота пока в резерве. Вот довезу его до «Лиса», сдам этого предателя из рук в руки Пауку, и больше никогда его не увижу. У Паука он уже точно не заживется и заговорит как миленький, расскажет про всех своих поделльников. Впрочем, это уже не моя забота...

Сказав эти слова, монстр с женским именем Вета поудобнее, насколько это возможно при его габаритах, устроился в кресле, скрестив на груди могучие руки и больше никак не выказывал своего отношения к происходящему.

У Павлова же в это время в буквальном смысле голова пошла кругом. Куда его везут, что с ним будет, и что это за паук, которому его решил отдать Берия? Сердце сдавило чувство ужаса

---

⁷ В тот момент (27.06.1941), когда в небе на прифронтовой зоной начала действовать истребительная авиагруппа «Полярного Лиса» (так называемые «белые защитники») генерал Павлов уже оставил свой командный пункт в Минске и до самого своего выхода из окружения 30-го июня числился в нетях. Уже 26 июня командующий переброшенного из-под Бобруйска 47-стрелкового корпуса генерал-майор Степан Поветкин, прибыв в Минск для установления взаимодействия с вышестоящим командованием, не обнаружил там ни штаба Западного фронта, ни штаба 13-й армии, которая по первоначальному замыслу должна была оборонять Минск. А потом, после выхода к своим 30-го числа, бывшего комфронта ничего не объясняя, сразу упаковали в самолет и срочно отправили в Москву – а там, за пределами узкого круга приближенных к Сталину людей, о «защитниках» и имперском крейсере «Полярный Лис» не было известно почти ничего.

и безвыходности. Он не предатель, просто так получилось. Обстоятельства оказались сильнее него, и у человека, который зовет себя Дмитрием Павловым, просто не было иного выхода. Впереди теперь смерть или, быть может, что-то худшее, а позади жизнь, которую ему вообще не стоило проживать. Страна Советов дала ему все, о чем четверть века назад, во времена «до без царя», крестьянский сын (каким и был Дмитрий Павлов), не мог и мечтать. Советская власть подняла его почти на самую вершину военной иерархии, до одного из самых высоких званий в армии, а он отплатил ей черной неблагодарностью.

Как человек, жестоко загнанный в угол независимыми от него обстоятельствами, бывший командующий Западным военным округом с самого утра двадцать второго июня плыл по течению, не надеясь даже попытаться выпрыгнуть из этого потока. А быть может, все началось годом раньше, когда его неожиданно сняли с начальников ГАБТУ и назначили командовать Белорусским военным округом, или вообще в далеком отсюда шестнадцатом году, когда старший унтер-офицер Дмитрий Павлов попал в немецкий плен, будучи ранен во время Ковельского сражения на реке Стоход. Быть может, было бы лучше, если бы он тогда просто погиб в том сражении, и все бы тогда пошло совсем по-другому...

Впрочем, эту мысль он так до конца так и не додумал, потому что все однажды заканчивается; закончится и этот полет, или что там это было. Корпус аппарата сотрясла короткая вибрация, потом он еще раз дернулся и остановился неподвижно. Снова распахнулся десантный люк, да только за ним, вместо залитой беспощадным светом посадочных фар лужайки за домом Сталина, обнаружился какой-то ангар с гладкими металлическими стенами. Вета легко, как куклу, подняла генерала Павлова на ноги и придала ему ускорения толчком ладони в направлении выхода.

– Иди вперед, предатель, – сказала она в спину, – и не оборачивайся. Паук тебя уже жаждался...

Бывший командующий ожидал, что где то в конце коридора его будет ждать настоящий паук размером с человека, с волосатыми суставчатыми ногами и ядовитыми жвалами; но нет, Пауком оказался мужчина восточной наружности и средних лет, в серой обтягивающей форме.

– Майор имперской безопасности Ари-Махат, товарищ генеральный комиссар государственной безопасности, – с легким поклоном представился он Берии, – служу на этом корабле начальником особого отдела. Вы правильно сделали, что обратились за нашей помощью. Я могу гарантировать, что этот человек расскажет все что знает, не утаив и малейшего фактика. От меня еще никто не мог скрыть правду...

Он едва скользнул по генералу своими узкими черными глазами, но тот усмотрел в этом взгляде все грядущие ужасы Преисподней, где слышатся стоны и вопли, и скрежет зубовный.

– Я невиновен, невиновен, невиновен! – заорал Павлов, – клянусь вам, это так!

– Ты лжешь! – твердо сказал особист «Полярного Лиса»; теперь глаза его остановились на лице генерала; тому показалось, что сам Сатана смотрит на него из этих невозможно черных, как само Небытие, глаз. – И сейчас мы это докажем. Вета, тащи этого типа в допросную, и подготовь его, пожалуйста, к работе.

Берия обратил внимание, что голос этого человека звучит ровно и завораживающе, он успокаивает и гипнотизирует, вызывая желание поговорить по душам с полной откровенностью...

– Акустический гипноз, – сказал Ари-Махат, будто бы услышав невысказанный вопрос Берии, когда генерала Павлова уже увели, – первая ступень допроса. Если человек чист и ему нечего скрывать, то он выговаривается до конца, и мы расстаемся друзьями. Он уходит облегченный, как после исповеди у вашего священника, а я знаю, что он ни к чему не причастен... В случае, если допрашиваемый начинает лгать и изворачиваться, наступает очередь второй и третьей ступени. Сегодня, пожалуй, мы как раз с третьей и начнем, ибо две первые степени при

расследовании государственной измены просто не рассматриваются. Идемте, товарищ Берия, я покажу вам, как это делается...

Когда Ари-Махат и Берия зашли в допросную, генерал Павлов уже был освобожден от одежды и в голом виде привязан к конструкции, по своему назначению чертовски напоминавшую электрический стул. Вета стояла чуть поодаль.

– Итак, – сказал особист «Полярного Лиса», обращаясь к допрашиваемому, – мы точно знаем, что вы предатель, потому что в противном случае, исходя из числа и тяжести совершенных вами «ошибок», вас следовало бы признать дебилом, кретином и самозванцем одновременно. Все, что вы натворили по совокупности, прямо противоречит и здравому смыслу, и всему тому, чему вас учили в военном училище, академии и на курсах повышения квалификации. Ну что же, начнем.

После этих слов на голову генерала Павлова стала очень медленно опускаться непрозрачная полусфера стационарного ментоскопа, из которой на бывшего командующего Западным фронтом обрушился целый град вопросов, на которые нельзя было не ответить или солгать.

* * *

2 июля 1941 года, 04:35 мск, Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Лаврентий Берия посмотрел на то, что осталось от бывшего командующего Западным фронтом после допроса, и скептически хмыкнул. Не то чтобы генерал Павлов был там серьезно избит или искалечен. Совсем нет. На теле допрашиваемого не было ни царапины, ни синячка, и вообще в ходе допроса товарищ Ари-Махат не прикоснулся к своему подопечному даже пальцем, все больше налегая на мощь своей галактической науки. Но результат был все равно впечатляющим. Обвисший на привязных ремнях Павлов бесформенным студнем расплылся в кресле и при этом плакал как ребенок, которому взрослые нечаянно сделали больно.

– Все, коллега, хватит, – сказал особист «Полярного Лиса», машинально вытирая руки влажной салфеткой, – еще немного, и у нашего клиента мозги превратятся в кисель. Да и так ситуация понятна. Вы все видели сами, товарищ нарком – и клиент у нас с изъязном, и заговор тоже имеет место, но только на первых ролях там совсем не военные...

В ответ Берия кивнул. Заговор не заговор, но некоторая фронда в самых верхах партийной иерархии имеется. Этот Павлов на фоне деятелей из ЦК партии только мелкая сошка и плохо представляет диалектику во всей ее многообразности. Потому и не застрелился, как генерал Копец⁸ (вот уж воистину был честный дурак), и не сдался немцам в плен, а вышел к своим – в надежде, что старшие товарищи прикроют и защитят. А вот черта с два! Наивный крестьянский мальчик. Старшим «товарищам», выжившим в ежовской мясорубке тридцать седьмого – тридцать восьмого годов, не привыкать топить «своих», лишь бы доказать преданность вождю и подняться еще на одну ступеньку в партийной иерархии; что им в таком случае какой-то генерал Павлов? Наоборот – уроют как можно скорее, лишь бы не заговорил, не выдал их тайных замыслов и мечтаний. Нет человека – нет и проблемы; мертвые, как говорится, не болтают.

Не велика птица – генерал армии, командующий (в довоенное время) Особым Западным военным округом, тем более что он и в самом деле был завербован немецкой разведкой. Но не нынешними абвером и РСХА, а еще кайзеровским ведомством Вальтера Николаи. Этот

---

⁸ Иван Иванович Копец (19 сентября 1908 – 22 июня 1941) – лётчик-истребитель, генерал-майор авиации, командующий ВВС Западного фронта в начале Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза за воздушные бои в Испании. Общие потери ВВС Западного фронта 22 июня составили 738 самолётов, в том числе 528 машин было потеряно на земле. Совершив облёт разрушенных аэродромов и узнав о масштабах потерь, И. И. Копец застрелился в своём служебном кабинете около 18:00 в тот же день.

гений от разведки, исповедовавший принцип «нет отбросов, а есть кадры» работал «на вырост» и чуть ли не подряд столбил перспективных «клиентов» из числа русских военнопленных в офицерских и унтер-офицерских чинах. Ибо при проклятом царизме это был прапорщик или перспективный⁹ унтер-офицер, а при новой власти он же вполне мог стать маршалом. Насмотрелись на такое, понимаешь, в Наполеоновские времена...

И он, Лаврентий Берия, тоже олух царя небесного. Имперский товарищ об этом прямо не говорит, но такой факт имеется. После дела Тухачевского, в своей биографии так же имевшего немецкий плен, генерала Павлова и прочих бывших военнопленных требовалось проверять с особой тщательностью, но этот момент был упущен. Он-то сам об этой расписке, наверное, уже и забыл, героически воевал в Испании, потом заведовал ГАБТУ (главным автобронетанковым управлением) РККА, где немало поспособствовал продвижению в производства перспективного танка Т-34, и разработке правильных штатов танковой бригады, в противовес монструозным и неповоротливым мехкорпусам, уже доказавшим свою неэффективность. Но на этих должностях Павлов был – что для немцев, что для заговорщиков – бесперспективным персонажем, и только после его назначения в Минск командующим округа стал представлять и для тех, и для других определенный интерес.

И не факт, что фронтеры ведали что творили. Уж разгром СССР и торжество нацистской идеологии в их планы точно не входили, хотя бы только потому, что большинство из них были как раз представителями того самого гонимого народа, который Гитлер и его присные истребляли с особой жестокостью. Отдаться под его власть для этих товарищей было бы смерти подобно. Скорее всего, некоторым заслуженным товарищам стало обидно, что их старый товарищ Коба взял себе слишком много единоличной власти, и они решили его немного осадить, чтобы вернуться к «ленинскому» коллегиальному стилю управления страной.

Эти люди всерьез поверили в войну «малой кровью на чужой территории» и испугались, что Коба в случае победы в такой скоротечной войне получит почти абсолютную власть и потеснить его не будет уже никакой возможности. А почему бы и нет? Как раз перед тем отгремел Халкин-Гол, где Жуков вдребезги разбил одну из лучших армий в мире. Страна Советов была на подъеме, каждый день люди слышали новости о новых рекордах и победах и о том, что жить становится лучше, жить становится веселее. В таких условиях легко поверить в один могучий удар, который сокрушит вермахт, и так уже ослабленный войной с англичанами, после чего Красная армия сокрушающей все волной цунами, прокатится до Атлантики, освобождая народы Европы от фашистского ига и устанавливая повсюду советскую власть.

Чушь собачья, конечно. Та же товарищ Ватила Бе на пальцах доказала, что для того, чтобы всерьез планировать наступательную операцию по полному разгрому Третьего Рейха и захвату Европы, необходимо, с одной стороны, иметь опыт нескольких лет серьезной войны, а с другой стороны, ресурсы страны, накопленные на протяжении длительного мирного интервала. Первое уж точно обязательно, потому что без опыта не помогут никакие ресурсы. Все сгорит в бесполезной дурацкой суете, как это и стало происходить с началом реальной войны; но фрондерам это обстоятельство было неизвестно или они не придавали ему значения. Ведь учение Ленина-Сталина всесильно, потому что оно верно, а следовательно, германские войска никак не смогут противостоять удару могучей Красной Армии. Кто же из них мог тогда знать, во что все это в итоге обернется? Ужаснувшись содеянному, многие из них с первых дней войны поняли, что натворили, и теперь лихорадочно пытаются повернуть все вспять. Вермахт

---

⁹ Генерал Павлов по своему происхождению даже в царские времена вполне уложился бы в понятие «самородка, выбившегося из самых низов». Родился в семье крестьянина. Окончил 4 класса церковно-приходской школы, 2-классное училище и экстерном сдал экзамены за 4 класса гимназии. В Русскую императорскую армию зачислен добровольцем сразу после начала Первой мировой войны. Дослужился до старшего унтер-офицера. Дальше, если бы не плен, была бы школа прапорщиков и первые офицерские погоны...

оказался на порядок боеспособнее, чем предполагали эти деятели, и воспользовался подставой на все сто процентов.

Дальнейшее, насколько известно Павлову, происходило с участием английской разведки, которая скормила Гитлеру дезинформацию о плане превентивной войны, которую Сталин запланировал на тот момент, когда вермахт будет штурмовать Британские острова. Это сообщение в Берлине восприняли всерьез, что поставило крест на плане «Морской лев» и вызвало перенос времени германского удара по Советскому Союзу с сорок второго на сорок первый год, а фронтеры еще и подсустились, подключив таких как Павлов, чтобы этот удар оказался максимально успешным. Ведь беспокоиться совершенно не о чем – Красная армия настолько могуча, что все равно сокрушит врага, но неудачи начального периода заставят Кобу вести себя потише и поделиться властью с соратниками, а еще лучше, если его и вовсе удастся сделать козлом отпущения и полностью отстранить от управления страной.

С англичанами тут все понятно, они просто спасали СВОИ шкуры и СВОЮ страну, но деятели фронды, которые затеяли провокацию¹⁰ такого масштаба только для того, чтобы провести передел портфелей в ЦК, как-то выпадают за грань добра и зла. Как говорит товарищ Ари-Махат, им наплевать не только на страну Эс-Эс-Эс-Эр и на советских людей, многих из которых они обрекли на смерть и страдания, точно с таким же хладнокровием они обрекут на гибель и своих подельников, испачкавшихся в практической реализации их планов. Это неизбежно. А чтобы ничего из этого не выплыло наружу, всех непосредственных исполнителей провокации следует уничтожить в кратчайшие сроки.

Берия подумал, что в ближайшее время следует ожидать инициативу как можно скорее осудить и расстрелять виновников поражения на первом этапе войны (то есть стрелочников-исполнителей), чтобы вместе с ними навсегда похоронить все неудобные тайны. При этом чужих к таким процессам не подпустят и близко; даже его постараются оттеснить в сторону. Кстати, именно по признаку того, кого фронтеры постараются задействовать в процессе над «изменниками», можно будет выявить окопавшихся в его наркомате крыс, а потом проверить их на этой машине и превратить судилище над исполнителями в процесс над заказчиками этой провокации. А потом расстрелять всех с особым цинизмом у первой попавшейся стенки, очищая партию большевиков от такой мрази, какой не место даже в уголовной банде. Сразу после возвращения нужно непременно доложить обо всем Кобе и начать очистку стада агнцев от окопавшихся среди них козлиц.

– Нет, – покачал головой Ари-Махат, – этот ход очевиден, а потому неверен. Кроме того, любой политический процесс в армии сейчас будет категорически вреден. Не хватало только того, чтобы бойцы потеряли доверие к своим старшим командирам только потому, что любой из них может оказаться потенциальным предателем. Нам в придачу к немецкому наступлению

¹⁰ Когда наконец начинаешь задумываться, кому нужно было, чтобы 22 июня 1941 года стало датой одной из величайших катастроф в русской истории от Рюрика и до наших дней, то понимаешь, что не все так просто. Персонажи вроде Павлова, которых посмертно отмазал Хрущев, сами по себе не имели и не могли иметь никаких предпочтений, а имели от этого поражения одни только минусы. И в то же время понятно, что поражение не случайно. Если бы командование Западного Прибалтийского и Киевского особых округов просто бездействовало и предавалось пьянкам в бане с голыми бабами, это было бы понятно. Извечная на Руси генеральская забава. Но оно, это командование, действовало самым активным образом, отдавая приказы не поддаваться на провокации, снимая с самолетов вооружения и изымая из стрелковых частей боеприпасы, оставляя по паре обойм на винтовку, по ленте на пулемет и ящику снарядов на орудие. А остальное, стало быть, в целях недопущения возможности поддаться на провокации, следует сдать на склады, где через несколько дней все это станет добычей гитлеровских трофейных команд. И судилище, устроенное Мехлисом над Павловым и иными виновниками июньско-июльской катастрофы, тоже выглядит крайне подозрительно. С другими подобными делами трибуналы возились аж до февраля сорок второго года, и расстреляли далеко не всех; некоторые старшие командиры были оправданы сразу, некоторые осуждены к срокам заключения, потом амнистированы, они вернулись в строй и еще успели отличиться, а вот то, судилище которое провел Мехлис, выглядит так, будто расстрел исполнителей призван был предотвратить разглашение какой-то тайны. Павлову и прочим пулями просто заткнули рот, чтобы они не утянули за собой в могилу настоящих виновников поражений начального периода войны. Потом все эти люди отменяются и в период хрущевщины, и позже, составляя собой тот золотой фонд партийной бюрократии, который в итоге и привел к краху СССР.

еще только этого не хватало. Нет уж – то, что содеяно тайно, тайно должно и караться. Товарищу Императору, разумеется, докладывать нужно обо все и в полном объеме, но его надо убедить в том, что устранять фигурантов требуется выборочно и неявно, стремясь минимизировать ущерб для боеспособности войск и морального духа бойцов, а также гражданского населения. Иначе в вашем же ведомстве найдутся люди, которые начнут раскручивать волну репрессий исключительно из того соображения, чтобы сделать себе на этом успешную карьеру. А это такой вариант, что хуже просто не бывает...

«А ведь он прав, – подумал Берия. – Павлов и прочие уже не опасны тем, что отстранены от руководства войсками и ни на что не могут повлиять. Их кураторы из политического руководства страны значительно серьезнее, и справиться с ними будет гораздо сложнее, тем более что многие из них, изображая из себя правоверных большевиков, сейчас требуют крови изменников дела революции. Справиться с ними будет можно и нужно даже без процессов, но на это понадобится время. Много времени. И пока это не будет сделано, преобразовать СССР в тайную или явную империю просто не получится.

* * *

2 июля 1941 года, около полудня. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина.

– Так значит, Лаврентий, – спросил вождь, дочитав доклад и отложив в сторону папку со смертельными, в буквальном смысле, материалами, – это все-таки был заговор?

– Да, Коба, заговор, – кивнул Берия, сверкнув стеклышками пенсне, – и боюсь, что не последний. Одним нашим, так сказать, товарищам, затаившимся троцкистам, все, что ты делал или только собираешься делать – как ржавым серпом по причиндалам. Другие хотели бы того самого коллегиального управления, чтобы их голос при принятии решений тоже что-нибудь значил. Третьих просто раздражает частое упоминание твоего имени: товарищ Сталин туда, товарищ Сталин сюда, товарищ Сталин великий, товарищ Сталин непогрешимый, товарищ Сталин вождь советского народа и лучший друг советских физкультурников. Четвертые – маленькие Бонапартики, ничуть не против централизации управления, но во главе будущей Мировой Советской Республики они видят только себя и никого иного. И это притом, что им нельзя доверить в управление не только Великую Страну, но и какой-нибудь подмосковный колхоз... Сейчас вся эта кодла напугана тем, что она натворила, и в меру сил и возможности стремится все исправить, ведь и Гитлер для них тоже совсем не добрый дядюшка. Все они не так рассчитали, и Красная армия оказалась не такой сильной, как они думали, и немцы оказались слишком прыткими...

– Все это не важно, Лаврентий, – раздраженным тоном прервал вождь своего верного соратника, – в мотивах этих мерзавцев пусть разбираются историки, если этот заговор вообще станет достоянием гласности, что совсем не факт. Сейчас мне интересно другое. Как вообще такое могло произойти, что у нас в партии на самом верху оказались люди, которые свои личные аппаратные игры поставили выше интересов советской страны и мирового коммунистического движения? Сколько у нас в ЦК таких как ты или я, ради дела готовых работать по шестнадцать часов в сутки, забыв про сон, про еду, про семью и нормальную жизнь? Единицы, Лаврентий, единицы, а остальные воспринимают страну, которую мы с тобой, не жалея жил, тянем наверх, как свою личную кормушку. О деле они вспомнят только тогда, когда земля начнет уходить у них прямо из-под ног. Чего молчишь, Лаврентий, не знаешь, что сказать?

– Действительно не знаю, Коба, – развел руками Берия, – никаких сигналов на этих товарищей нам прежде не поступало...

– Послушай, – хмыкнул Сталин, не спеша набивающий трубку табаком из раскрошенной папиросы, – какой же дурак будет тебе сигнализировать на члена ЦК, первого секретаря Компартии Украины... и прочая, прочая, прочая? Маленького человека он просто раздавит

как клопа, а серьезные люди и сами такие же, только калибром поменьше, и также мечтают забраться на самый верх. Да и остальные участники этого, гм, шабаша ничуть не лучше. Они все вместе и представляют тут власть, а товарищ Сталин тут только так, для виду, потому что никто из этих не хочет брать на себя персональную ответственность. И что из этого следует? А следует то, что наш новый мир, который мы начали строить вместе с Ильичом в октябре семнадцатого, вдруг оказался построен на зыбком песке. Что люди, которых мы считали надежными товарищами, на плечи которых можно возложить серьезное дело, оказались ни к чему не годными, и даже, хуже того, из своих узкоэгоистических интересов способными устроить междоусобную свару и пустить в распыл первое в мире государство рабочих и крестьян...

– Наверное, Коба, – ответил Берия, – дело в том, что люди, которые пошли в Революцию только затем, чтобы до основания разрушить старый мир, оказались очень плохими строителями нового социалистического общества...

Задав последний вопрос, вождь сунул полностью набитую трубку в рот и чиркнул спичкой.

– Ну да ладно, Лаврентий, – сказал он, выпустив первый клуб ароматного дыма, – давай отставим вопрос «Кто виноват?» в сторону (виноватых много) и зададим себе куда более важный вопрос «Что делать?». Пока ты там занимался Павловым, я тут довольно плотно пообщался с товарищем Малинче Евксиной. Скажи, друг мой, как ты думаешь, а какой такой общественный строй построил у себя в Империи этот их первый император Шевцов?

– Не знаю, – пожал плечами Берия, еще не погружавшийся в такие «дебри» и не понявший, с чего это Сталин сменил тему, – феодализм, наверное, с эпитетом «махровый»? Император, графы, бароны и прочие угнетатели рабочего класса – как их там называют, «пеонов».

– А вот и не угадал, Лаврентий, – хмыкнул в ответ вождь, – по всем признакам выходит, что товарищ Шевцов построил в своей империи социализм, лишь слегка замаскированный феодальной фразеологией. Ибо принцип у них там как раз социалистический – от каждого по способностям, каждому по труду и заслугам. Товарищ Малинче сказала, что без феодальной фразеологии местные бы Шевцова просто не поняли. Но этот имперский социализм получился каким-то, что ли, не марксистским и не коммунистическим. Социализм в Империи есть, а партия нового типа, как руководящая и направляющая сила, по факту отсутствует. Зато вместо партии там у них товарищ император, вместе с советом графов и разными там баронами, и все это считается гарантом непрерывного поступательного социального развития. Чтоб жить людям становилось лучше и веселее. В этой их социальной структуре я, Лаврентий, пока разбираюсь, точнее, пытаюсь разобраться. Но уже знаю, что этот их социализм вполне научно обоснован, потому что делается все в их Империи не с кондачка, и не как похощет левая нога императора (как это было у нас при Николашке), а под мудрым руководством так называемых социоинженеров. Ты можешь у нас назвать подобную должность?

– Комиссар, наверное, – навскидку ответил Берия, – то есть теперь политработник.

– Я этой товарищу Малинче сказал то же самое, – кивнул Сталин, – а она мне в ответ, что нашему политботнику до социоинженера – как плотнику до столяра. Или, больше того, не плотнику, а лесорубу. Ведь комиссар только выполняет указания вышестоящих товарищей, не вникая, к какому конечному результату приведет его деятельность. А товарищи, как мы только что об этом говорили, у нас попадают разные, и указания у них тоже не всегда полезные. Да и мы сами по большей части как слепые, на ощупь бредущие во тьме, и проблему распознаем только с размаху ударившись об нее лбом. Помнишь, как с коллективизацией было. Но комиссар об этом знать никак не может, и выполняет все указания сверху подряд, и вредные даже эффективнее, чем полезные. Сначала кампанию разогнали, а потом пришлось осаживать, потому что вот такие ретивые комиссары довели дело до абсурда.

– погоди, Коба, – пожал плечами Берия, – мы ведь тоже строим свой социализм в рамках научного марксизма-ленинизма. И учение наше всесильно, потому что оно верно. Разве не так?

– Так-то так, – ответил Сталин, – в стратегическом отношении наш курс совершенно верен. Товарищ Малинче сказала, что только наш Советский Союз можно преобразовать в их империю, используя методы социальной трансформации, потому что в его основу положен принцип социальной справедливости. Зато все остальные, то есть буржуазные государства, по их науке могут пойти только под снос, потому что в их основе лежит алчность, а это никак не согласуется с их принципами.

– Так это же хорошо, – кивнул Берия, – и вообще, Коба, я не понял – в чем же тогда проблема?

– А проблема в том, – вздохнул Сталин, – что если в стратегии мы полностью сходимся, то в тактике между нами и имперцами большие разногласия. А тактика у нас сам знаешь откуда. От классиков марксизма, которые сами никакого справедливого общества не строили, а только о нем рассуждали. От Ильича, который едва успел начать практическую работу, а также от наших собственных шишек, которые мы набили, строя первое в мире государство рабочих и крестьян. Одним словом, сплошная эмпирика, одобренная густым соусом оторванной от жизни марксистской теории. Не наука это, Лаврентий, а лишь нечто не нее похожее. В науке всегда дважды два равно четырем, а у нас ответ получается в зависимости от того, кто умножает. Иногда это пять, а иногда и минус один с дробями. Одним словом, как придется. А так не годится. Без четкой теории, способной однозначно объяснить процессы, происходящие в человеческом обществе, нам никак нельзя. Нам надо либо переходить на их платформу, либо развивать свой марксизм до уровня полноценной науки, чтобы он был не набором пустых догм, а руководством к действию. А расхождения у нас именно в догмах, а это не лечится. Тут шаг вправо, шаг влево равно побегу.

– А без Империи никак нельзя? – спросил Берия. – А то как-то нехорошо для людей выйдет. Боролись они, получается, за советскую власть, боролись – и все зря, вместо этого надо было восстанавливать самодержавие и снова сажать на трон кого-то вроде Николашки. Или, хуже того, подумают, что тебе самому захотелось быть царем. Это я, Коба, так, утрирую, но именно так и будут говорить наши с тобой оппоненты.

Сказав это, Берия с многозначительным видом подпихнул в сторону Сталина папку с материалами по делу «фронды».

– Я это и имею в виду, – сказал вождь, откладывая в пепельницу погасшую трубку, – правильная социальная теория нам нужна как раз для того, чтобы все люди в партии и государстве были на своих местах, строго по науке. А то развели тут, понимаешь, гадюшник. Скажи, Лаврентий, вот когда меня не станет, сколько времени ты лично проживешь, если вся это кодла решит, что ты стал им опасен, и ополчится на тебя в полном составе? А сколько продержится наша с тобой страна после того, как власть в ней захватит эта твоя «фронта»? А название – это дело десятое, на слове «империя», Лаврентий, свет клином тоже не сошелся, да и, как объяснила мне товарищ Малинче, преобразования социальных ключей тоже проводятся поэтапно и не в один день. Этот процесс и так уже начался, даже до имперцев. Персональные звания в армии мы уже вернули, героев прошлого – Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Первого, Суворова, Кутузова и адмирала Ушакова – в кинофильмах прославили (недаром же Ильич говорил, что важнейшим из искусств для нас является кино). Теперь на очереди возвращение в армию погон, обращений «товарищи солдаты» и «товарищи офицеры», а также, самое главное, Лаврентий, внедрение тотального психосканирования и профориентации для всех, кто занимает высокие партийные и государственные должности. А уже потом можно будет поговорить и об Империи, тем более что сами товарищи имперцы, в одном строю сражающиеся вместе с нашей Красной Армией, к тому времени реабилитируют это понятие.

Некоторое время вождь молчал, будто бы собираясь с мыслями и обдумывая дальнейшие слова, потом снова заговорил:

– Или даже не так, Лаврентий. Психосканированием и профориентацией членов ЦК, наркомов и прочих ответственных товарищей, в том числе и в твоём наркомате, необходимо заняться немедленно. Слишком дорого обходится нам некомпетентность и разного рода эгоистические устремления высокопоставленных руководителей. Проблема в том, что у нас имеются только два комплекта оборудования для этой работы и всего лишь один квалифицированный социоинженер, товарищ Малинче Евксина. Поэтому первое, что мы должны сделать, это приступить к разработке собственного оборудования для этой профориентации и начать подготовку дополнительных кадров социоинженеров. С теорией психосканирования, социоинженерии и технической стороной вопроса нас обещали ознакомить в полном объеме, но, как ты сам понимаешь, от теории до работающей установки собственного производства – огромное расстояние. Не исключено, что для создания действующего образца нам придется с нуля создавать целые отрасли промышленности. Я не знаю, возможно ли вообще это, но если все проблемы действительно преодолимы, то эту работу можно поручить только тебе и никому больше. Понял, Лаврентий?

– Так точно, Коба, понял, – ответил Берия, и тут же, кивнув на небрежно лежащую между ними двумя папку, спросил: – А как же эти?

– А этих, – правильно понял вопрос вождь, – мы будем разрабатывать исключительно по имперской науке и не иначе. Для этого мне и нужна будет здесь товарищ Малинче. Ведь, как ты наверняка догадываешься, социоинженерия способна не только скреплять людей разных наций и рас в монолитные работоспособные коллективы, также она может использовать слабости и пороки человека для разрушения его личности. Все будет так, как посоветовал тебе товарищ Ари-Махат. В разное время, по разным поводам эти люди сами уничтожат себя, сделав фатальные ошибки, и будут заменены компетентными товарищами. При этом никто даже не подумает, что это мы расчищаем поле для того, чтобы превратить страну в нечто большее, чем то, чем она является сейчас. Все, Лаврентий, иди и подумай над всем сказанным, а через несколько дней мы поговорим об этом уже подробнее.

* * *

2 июля 1941 года, 16:05 мск, Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Старший (и единственный) социоинженер «Полярного Лиса» Малинче Евксина.

Я стояла перед обзорным экраном и смотрела на Старую Землю, затянутую голубоватой дымкой. Я думала о том, что теперь мне в самое ближайшее время предстоит спуститься туда, на поверхность этой планеты, чтобы лично принять участие в преобразовании страны Эс-Эс-Эс-Эр в новую Советскую Империю. К сожалению, делать это придется без поддержки старших и опытных товарищей, при остром дефиците необходимого оборудования и при сопротивлении той части управленческой пирамиды страны Эс-Эс-Эс-Эр, для которой моя деятельность грозит отстранением от власти или даже физическим уничтожением.

Да, такие тут нравы. Но стоит ли жалеть тех, кто своими некомпетентными решениями снижает уровень жизни людей или прямо ведет к человеческим жертвам? Моя задача – изменить эту социальную формацию к лучшему, сделать ее богаче, умнее, сильнее, и в итоге превратить в новую Империю. Для этого потребуются раскрыть дорогу в верха талантливым людям, передать им свое знание социоинженерной науки, а всех замшелых жрецов религии под названием «марксизм», носителей посредственного ума и эгоистических карьеристов отодвинуть куда-нибудь в сторону, где они не будут мешать поступательному социальному развитию. Мы должны сделать новую Советскую Империю настолько же лучше страны Эс-Эс-Эс-Эр, насколько она сама была лучше предыдущей социальной формации.

Это я говорю, зная, что общий образовательный уровень местных специалистов крайне низок по той причине, что страна Эс-Эс-Эс-Эр до сих пор переживает последствия действий этой самой прошлой социальной формации, которую тут называют «царизмом» или «темным прошлым». Любопытно, что государство-предшественник страны Эс-Эс-Эс-Эр тоже называло себя Российской Империей, но то государство было в корне неправильно организовано, насквозь лживо и эгоистично; его высшая страта, которой предписывалось быть мозгом, честью и совестью государства, думала не о благе народа, а только о своем благополучии. К тому же его последний правитель, Николай Второй, в нашей, не предусматривающей наследственных титулов, социальной системе вряд ли поднялся бы выше гражданства третьего класса...

Поэтому не стоит рубить с плеча; список достижений страны Эс-Эс-Эс-Эр за последние двадцать лет впечатляет даже не специалиста. Конечно, многое я бы сделала по-иному, с меньшими материальными, социальными и человеческими издержками. Но, в любом случае, меня впечатляет результат работы людей, не имеющих даже понятия о настоящей социоинженерной науке, а пользующихся вместо нее своим дурацким марксизмом. Это псевдосоциальное учение (на самом деле являющееся разновидностью религии, у которой имеются свои догмы и свои святыне) некоторые параметры существования общества объясняет частично, а некоторые и вовсе в корне неправильно, из-за чего производимые с его помощью социальные преобразования сопровождаются значительными потерями в человеческом потенциале и темпе развития.

В правильно организованном обществе, где все социальные формации выполняют свою роль, не может быть ни классов-угнетателей, ни так называемой классовой борьбы, ибо нелегально, чтобы в здоровом организме рука боролась с ногой, а живот с головой. Такое возможно только в том случае, когда мозг болен или заплыл жиром, будучи больше не в состоянии выполнять свои функции.

Что касается мозга страны Эс-Эс-Эс-Эр (то есть нашего будущего императора, которому как раз сегодня кагал его соратников присвоил звание Верховного Главнокомандующего), то он не болен и не заплыл жиром. Совсем нет. Он полностью дееспособен, осознает сложившуюся ситуацию и готов действовать, разделяя с нами цели задачи, понимая необходимость сделать будущую Советскую Империю сильнейшим, а потом и единственным государством Старой Земли. Более того, это ум, редко встречающийся среди хумансов; и осознание того, что мне придется работать под его непосредственным руководством, приводит в трепет все мое существо. С личностями такого масштаба встречаться воочию мне еще не доводилось. Ведь этот человек сумел совершить почти невозможное, превратив отсталое, разоренное гражданской войной государство в быстроразвивающуюся мировую державу.

Я до сих пор не понимаю, как ему это удалось и думаю, что на такой подвиг (а это действительно подвиг), способен только настоящий гений, которые иногда встречаются среди хумансов, но совершенно отсутствуют среди темных и светлых эйджел. Да, в среднем мы умнее, чем базовая версия рода хомо¹¹, но гениальные озарения нам недоступны. Более того, наша социоинженерия, которой я так горжусь, не способна ни предсказывать время и место появления таких гениев, ни угадывать направление и конечные результаты их деятельности. Задним числом мы, конечно, способны объяснить, почему все произошло так или иначе, но не более того. Именно поэтому, наверное, цивилизация Кланов, после того как ее оставили Древние, топталась на одном месте сто тысяч лет, пока в Галактике не появился император Шевцов и не дал нам, эйджел, хорошенького пинка по зад, чтобы мы не зазнавались.

Итак, в ближайшее время мне мало того что предстоит спуститься на поверхность Старой Земли, но еще и работать вместе с одним из величайших гениев в истории человечества.

¹¹ Биологический вид хомо-сапиенс, насчитывающий к настоящему моменту около двухсот тысяч лет существования, тоже, можно сказать, большую часть этого времени топтался на месте, а бурное социальное и технологическое развитие началось относительно недавно, не далее чем десять тысяч лет назад.

Еще совсем недавно я, девчонка эйджел, которой не исполнилось и ста стандартных лет, не могла о таком и мечтать, а сегодня я – единственный и незаменимый специалист, призванный изменить судьбу этой планеты, а в итоге и всей Галактики в целом. Конечно, в некоторых исторических материалах, хранящихся в Синей книге, товарища Сталина называли тираном и кровавым диктатором, но данные психосканирования не подтверждают такую оценку. Он не более жесток, чем большинство местных политиков, а по сравнению с некоторыми матронами Непримиримых кланов эйджел (вот уж где настоящие старые ведьмы) он выглядит белым и пушистым паинькой, жертвой общего невежества и бытующих в местном обществе заблуждений.

* * *

2 июля 1941 года, 18:20. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина.

Подходил к концу одиннадцатый день войны и шестой день с того момента, как в этой войне приняли участие пришельцы из далеких глубин галактики. Именно сюда, на дачу в Кунцево, стекалась вся оперативная информация по обстановке на советско-германском фронте. Стыд и позор: информацией о положении советских частей, их боевом духе и укомплектованности личным составом имперские тактики владеют гораздо лучше собственного генерального штаба РККА. Это касается не только тех частей, что находятся в отрыве от командования и пытаются вырваться из Белостокского и Минского котлов, но и тех, которые еще не попали ни в какое окружение, а также соединений второго стратегического эшелона, стремящихся как можно скорее занять фронт по Днепру. Стоит только переключить режим на тактическом планшете – и видно, как составы с войсками второго стратегического эшелона идут из глубины советской территории к рубежу Днепра как лосось на нерест.

Туда, в Смоленск, заново создавать Западный фронт уехал генерал армии Жуков. Его задача – успеть подготовить оборону и окончательно остановить и так уже притормозившее вражеское наступление на Москву. Болдин и Рокоссовский глубоко во вражеском тылу будут сражаться до последнего только ради того, чтобы дать Жукову как можно больше времени на подготовку к отражению вражеского удара. Другого выхода нет. В настоящий момент сводная армейская группа генерала Болдина ожесточенно рубится с немцами под Слонимом и Ивацевичами, оттягивая на себя не только вторую танковую группу Гудериана, но и четвертую полевую армию генерала-фельдмаршала фон Клюге. На завтрашнее утро генералом Болдиным намечен удар во фланг Гудериану сводной конно-механизированной группой генерала Мостовенко, в случае успеха которого задачу, поставленную перед его зафронтовой группировкой, можно будет считать полностью выполненной.

Что касается Минска, то он и так уже окружен врагом с трех сторон, и сейчас генерал Рокоссовский готовится отдать приказ отводить подчиненные ему войска в черту города. Единственное, что заставляет его медлить – желание принять в состав своей группировки побольше частей, выходящих из уже наметившегося Минского котла. Во время обороны Минска ему понадобятся каждый боец или командир, каждая пушка, миномет или танк. И каждый день такой обороны будет играть на советские войска и против наступающих немцев, которые, несмотря ни на что, еще не готовы признать крах своего плана «Барбаросса». Сталин потому и не верил в данные разведки о немецких планах войны в одну летнюю кампанию – задача за шесть недель пройти от границы до Москвы казалась авантюрой, невозможной для педантичных и скрупулезных германских генералов. Советский Союз – это не Франция, и план завоевать его за шесть недель является ненаучной фантастикой. Но откуда он мог знать, что этот план опирается не только на точные тактические и логистические расчеты, но и на обещание со стороны некоторых высокопоставленных предателей открыть фронт перед германскими войсками.

Ох, если бы не заговор, не мелочное желание «фрондеров» потеснить его, Сталина, у власти, то и начальный этап войны, несмотря на неготовность Красной Армии прошел бы совсем по-другому. Надеяться на сокрушающий все Освободительный поход в Европу, конечно, было бы нельзя, товарищ Ватила Бе во время сеанса прямой связи «тактика для начинающих» популярно разъяснила советскому вождю организационные, тактические и технические изъяны в структуре Красной Армии, которые не позволили бы добиться ожидаемого результата. Но вот организованно отходить с рубежа на рубеж, не попадая в окружения и не бросая ни запасов топлива, боеприпасов и снаряжения, ни тяжелого вооружения, было вполне возможно. А уже через полгода, зимой, набравшаяся сил и опыта Красная Армия без всякой посторонней помощи начала бы шаг за шагом выпроваживать немецких захватчиков с советской земли.

Но сейчас, впервые за эти дни, голова у товарища Сталина болела отнюдь не о военных вопросах. Ведь дело обороны Страны Советов находится в надежных руках. Замещающий маршала Шапошникова генерал-майор Василевский побывал на даче в Кунцево с целью перенести на карту данные планшета и сверить его со своей информацией, (это получается, что не Генштаб докладывает товарищу Сталину о положении своих и вражеских войск, а как бы совсем наоборот) и попутно негласно прошел систему профориентации и получил такой же статус А1, как и Жуков с Рокоссовским. Тактик-лейтенант Илина Ке, посмотрев на психопрофиль Василевского, сказала, что это один из крупных военных гениев в фазе развития, одинаково способный как к командной, так и штабной деятельности.

На Северо-западный фронт, положение на котором было немногим лучше, чем на Западном фронте, вместо обгадившегося генерала Кузнецова убыл бывший командующий Северо-кавказским округом генерал-лейтенант Конев, получивший командный статус А2. Самого Кузнецова в ближайшее время ожидал визит в кабинет к Сталину. В том случае, если система профориентации обнаружит в нем такое же двойное дно, как и в Павлове, результат будет тот же – принудительное ментоскопирование на Полярном Лисе с последующим смертным приговором. Если же генерал Кузнецов просто дурак, то он получит лет десять лагерей и пусть радуется, что легко отделался. Прочие направления пока не вызвали серьезной тревоги; вторжение со стороны Финляндии так и не началось, а Венгрия, хоть и объявила войну СССР 27-го июня, до сих пор придерживалась пассивной, оборонительной тактики, и ее войска еще не пересекали советско-венгерскую границу. Товарищ Сталин подозревал, что они ее и не пересекут, ибо венгерскому руководству (адмиралу Хорти) сильно хочется жить.

В любом случае, возникшие в последнее время политические вопросы требуется решать как можно скорее, но прежде чем их решать, надо как следует во всем разобраться и постараться совершить перестройку советского аппарата управления на ходу, с минимальными социальными издержками, начав при этом с круга самых близких соратников. Оборудование для профориентации в его кабинете – это, конечно, хорошо, но что делать в том случае, если возникают сомнения: когда один параметр говорит «про», а другой «контра»? И как можно увязать всех этих людей в одну управляющую систему, изъятие отдельных элементов которой не вызвало бы нарушения общей работоспособности? Именно для выполнения этой работы с «Полярного Лиса» и была вызвана старший социоинженер имперцев Малинче Евксина, уникальный и единственный специалист в своем роде на всей Земле.

Первоначально вождь сомневался, стоит ли доверять серьезные дела особе, которая выглядит как двадцатилетняя девчонка. Но поскольку у этих имперцев все не как у людей, он решил посоветоваться по этому вопросу с Молотовым, который уже имел дело с этой Малинче, когда подписывал Соглашение о Присоединении.

– Знаешь что, Коба, – ответил ему Молотов, – ты можешь не обращать на это внимания. Товарищу Малинче наверняка лет побольше, чем нам с тобой обоим вместе взятым. По ним никогда не угадаешь. Но, в любом случае, старший социоинженер, как я понимаю, это фигура, допущенная к самостоятельной работе. Думаю, если ее выпустить на переговоры против Чер-

чилля, дав время на предварительную подготовку, то свинья для чахохбили¹² будет пренепрятно удивлен. Мол, такая молодая леди, и такая жесткая хватка.

– Против Черчилля, – ответил вождь, – выпускать ее рановато, сначала надо разобраться с нашими внутренними проблемами. Ни один англичанин, включая борова, не способен нагадить нам так густо, как некоторые товарищи из ЦК. Так что имей в виду и не удивляйся, что некоторые наши товарищи оказались нам совсем не товарищами. У тебя в наркомате тоже не все ладно – достоверно известно, что кто-то из твоего ближайшего окружения сливает информацию англичанам. Литвиновское, понимаешь, наследство¹³. Лучше займись этим сам, а то я попрошу Лаврентия, и он зачистит этот ваш гадюшник до белых костей.

На этом разговор Сталина с Молотовым закончился, после чего последний уехал в свой наркомат, а Сталин остался ждать прибытия шаттла, который теперь прилетал не только в темное время суток, а когда необходимо. То, что Советский Союз поддерживает контакты с космическим кораблем на орбите, давно уже являлось секретом Полишинеля, тем более что все ближе становился тот момент, когда советско-имперские отношения (и в том числе соглашение о присоединении) потребуются выводить из тени. Но сначала – разбор полетов с фрондерами. За свой тыл вождь хотел быть совершенно спокоен.

* * *

2 июля 1941 года, 18:40. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина.

Старший (и единственный) соционинженер «Полярного Лиса» Малинче Евксина.

Шаттл плавно опустился на зеленую лужайку, которую наши корабельные остряки уже называли «космодром Кунцево-1», открылся десантный люк и до меня донеслись запахи летнего соснового леса, на фоне которого тонкой ноткой прорезались горьковатые ароматы древесного дыма и приготовленной на открытом огне пищи. После искусственной атмосферы космического корабля эти запахи дразнили воображение и будили во мне древнюю генетическую память о далеких предках, живших вреди таких вот лесов и жаривших на кострах мясо убитых диких животных. Действительно, все мы – эйджел, горхи, сибхи и хумансы – происходим с этой планеты, и у всех у нас в крови присутствует память о ее холмах и лесах... Однако хватит лирических воспоминаний; ваш выход, товарищ Малинче, соберитесь с духом и смело шагайте вперед.

Я и пошла, попутно оглядываясь по сторонам с высоты своего роста. Пока я не знала, как интерпретировать увиденное, и просто складывала факты в копилку своей памяти. Помимо прочего я должна была привыкнуть к тому, что отныне вокруг меня не будет никого, кроме хумансов. Тактик-лейтенант Илина Ке и ее ординарец Туся при этом не в счет, так как пересекаться мне с ними почти не придется. Ну что же, как я уже говорила, хумансы – это тоже не так уж плохо; других эйджел, когда их вокруг слишком много, я переносу гораздо хуже. Уж слишком они бывают спесивыми и самоуверенными, особенно такие же светлые, как я. Зато на хумансов можно смотреть сверху вниз (во всех смыслах), ведь гении среди них достаточно редки, а ростом я, как правило, оказываюсь на две головы выше самого высокого самца. Есть, конечно, хумансы, на которых сверху вниз не посмотришь. Например, наш обожаемый командир каперанг Малинин или наш новый император товарищ Сталин, на встречу к которому я

---

¹² Свинья для чахохбили – прозвище Черчилля.

¹³ До Молотова наркомом иностранных дел был Максим Литвинов (урожденный Меер-Генох Моисеевич Валлах), видный троцкист в то же время избежавший репрессий (так как трогать его считалось нецелесообразным) и, вполне возможно, британский агент, завербованный еще во времена эмиграции в царские времена.

и иду. Гении – они и есть гении, и преклонить перед ними голову не стыдно даже для такой светлой эйджел, как я.

Сотрудники безопасности, стоящие на входе в небольшой одноэтажный¹⁴ дом, выкрашенный зеленой краской под цвет окружающих деревьев, приветствовали меня отданием чести и попросили следовать за собой внутрь. Я не стала им говорить, что приветствовать меня воинским приветствием совсем не нужно, ибо старший социоинженер – это гражданский чин, не имеющий отношения к Армии и Флоту, и именно поэтому я не ношу никаких знаков отличия, кроме квалификационной нашивки на левой стороне груди.

Стены дома изнутри были отделаны панелями из полированного дерева. Прихожая, поворот направо, короткий коридор... а вот и дверь в кабинет того, кого здесь называют Отцом Народов.

Я никогда не бывала в Малом Императорском Дворце в резиденции «Высокие кручи», расположенном в одном из высокогорных районов Новороссии¹⁵, но много раз видела изображение императорского кабинета, из которого Владимир Третий вершил дела Империи. По общему дизайну общего между двумя этими кабинетами было мало, ибо вкусы и уровень технологического развития в Империи и стране Эс-Эс-Эс-Эр довольно сильно различались, но было между ними и нечто общее. Святая простота, сказала бы я. Все было сделано для того, чтобы хозяин этого кабинета мог принимать посетителей и заниматься своими делами, но в то же время не было ничего лишнего, вычурного или излишне роскошного. Бросался в глаза диван, на котором, как я уже знала, хозяин этого кабинета иногда отдыхал, не желая уходить в спальню. Рабочий стол вождя страны Эс-Эс-Эс-Эр был заставлен всяческой архаикой вроде письменных приборов с чернильницами, старинных телефонов и отрывного календаря. Единственными современными мне предметами на этом столе были мобильный коммуникатор дальней связи, оформленный в виде небольшого металлического чемоданчика, и персональный информационный комплекс, на который и была завязана установленная в этом кабинете система профориентации.

Человек, сидевший за этим столом, сначала поднял голову, посмотрев на меня, потом как бы мимоходом бросил взгляд на экран информационного комплекса. Видимо, система профориентации была включена, ее датчики сейчас собирали информацию, чтобы можно было построить портрет моей личности. Для меня несколько неожиданно было самой оказаться предметом изучения, поэтому я, поздоровавшись, неловко остановилась на пороге.

Увидев мое смущение, хозяин кабинета улыбнулся в усы, хмыкнул и сказал, гостеприимно указывая на стоящий отдельно мягкий стул:

– Проходите, товарищ Малинче, садитесь. Очень рад вас видеть. Должен сказать, что давно хотел с вами познакомиться, так сказать, лично. Мне говорили, что вы, эйджел, очень горды, почти заносчивы и подсознательно не считаете других людей равными себе. Это так?

При этом его желтые, как у хищного зверя, глаза продолжали внимательно изучать выражение моего лица, считывая с него эмоциональные реакции. Интересно, кто же ему такое мог говорить? Вряд ли каперанг Малинин или Ватила Бе, имеющие прямой выход на этот кабинет, могли откровенничать¹⁶ с вождем страны Эс-Эс-Эс-Эр на такие темы.

---

¹⁴ Второй этаж на даче в Кунцево был надстроен по личному указанию Сталина то ли в 1943, то ли в 1948 году, но после завершения работ он там почти не показывался.

¹⁵ Новороссия (бывшая За-о-Дешт) известна своим влажным и жарким климатом, поэтому административная столица Империи располагалась в высокогорном районе, прежде принадлежавшем одному малозначительному клану светлых эйджел. После того как бывшая За-о-Дешт превратилась в Новороссию, эта территория была конфискована под императорский домен, а члены клана получили материальную компенсацию и преимущественное право занятия должностей на госслужбе, соответствующих их профессиональным способностям.

¹⁶ А это все бригадный комиссар Щукин, еще 29-го июня назначенный специальным представителем товарища Сталина на «Полярном Лисе» и тогда же отбывший к месту своей новой службы. За это время он уже успел собрать фактический материал по морально-психологическому облику его команды и написать вождю докладную записку на тему бытующих в ней

– Это не совсем так, – ответила я, усаживаясь на указанный мне стул, – люди (я имею в виду людей вообще: и эйджел, и хумансов, и горхов, и сибх) вообще изначально не равны между собой. Империя гарантирует всем только равные возможности для обретения прав, и ничего более; остальное зависит от желания, индивидуальных способностей и стараний индивида. Да, мы, эйджел, в среднем значительно умнее, чем хумансы, способны обрабатывать и интерпретировать большие объемы данных и давать более точные заключения, но на этом наши преимущества заканчиваются. Сибхи старательнее и усидчивее нас, и незаменимы там, где дело касается нудной работы, требующей точности и терпения. Горхи сильнее и храбрее, а хумансы обладают способностью управлять крупными коллективами людей, не являющимися их кровными родственниками. Да, мы понимаем, что такое крупные организационные структуры (типа государства или империи), но без вашей помощи способны только разрушать их, а отнюдь не созидать. Кроме того, у вас есть еще одно неоспоримое достоинство – ваша популяция способна порождать особей, резко выбивающихся над средним уровнем, так называемых гениев, а наша нет. Именно поэтому вы, хумансы, используя своих гениев как мотор, развиваетесь, поднимая себя из дикости варварства к вершинам цивилизации, а мы, эйджел, уже сто тысяч лет остаемся, то есть оставались, на том уровне, на какой нас когда-то возвели Древние. Нас, эйджел, крайне редко аттестуют на руководящие должности, в основном мы являемся высококлассными специалистами, которые производят расчеты, учат и советуют, но принимать конечные решения и осуществлять общее руководство над проектами доверяют только хумансам. Ведь о том, что нашу цивилизацию называли цивилизацией Кланов, было сказано не ради красного словца. Наш первый император Шевцов как-то назвал эйджел дикарями, переселенными из тропических джунглей на просторы космоса. Древние смогли переделать наши тела, усилить, насколько это было возможно, мыслительные способности, научить нас своим технологиям, необходимым для межзвездных перелетов, но они не смогли изменить нашу суть. Ведь у дикарей каждое племя считает настоящими людьми только своих членов, а остальных – не более чем законной добычей... Но после провозглашения Империи была введена профориентация, которая позволила добиться того, чтобы каждый член общества занимался тем, что у него получается лучше всего.

– Ваш Шевцов был умный человек, – кивнул вождь страны Эс-Эс-Эс-Эр, – но о структуре вашего общества мы, товарищ Малинче, с вами еще поговорим. А сейчас я хотел бы знать, как вы оцениваете НАШЕ общество?

– Ваше общество, – сказала я, мы оцениваем достаточно высоко. Процентом на восемьдесят оно готово сражаться за свои идеалы насмерть, а это очень высокий показатель. Нам известно, какова была в этой стране предыдущая политическая формация и люди ценят то, что вы сделали для них лично. Количество недовольных переменах, чье положение от них ухудшилось, очень невелико; остальные же считают, что чем дольше существует ваша политическая формация, тем лучше будет становиться их жизнь и жизнь их детей и внуков. Вторгшийся в вашу страну враг воспринимается людьми как грабитель, который пришел отобрать у них то, что дала им ваша власть.

– Товарищ Малинче, – удивился вождь страны Эс-Эс-Эс-Эр, – неужели все так прекрасно и радужно, как вы говорите? У нас принято считать, что по мере построения справедливого общества, противоречия в нем, называемые классовой борьбой, будут только обостряться, так как свергнутый класс-угнетатель будет пытаться восстановить свое господство над бывшими угнетенными...

– Нет, нет и еще раз нет! – воскликнула я, – те классы, которые у вас раньше существовали за счет несправедливости общества, теперь уничтожены и не имеют сил ни к какой классовой борьбе. Это исключено. Ваш главный враг – другой. Управленческая пирамида, не такая

уж плохая по своей структуре, имеет в своем составе много некомпетентных и просто глупых функционеров. Особенно хорошо это видно на примере вашей армии, которая терпит поражения исключительно из-за низкого качества старшего командного состава. Я не тактик темных эйджел, но могу сказать, что вместо того, чтобы отражать вражеское нашествие, одни ваши военачальники принялись заниматься имитацией бурной деятельности, а другие просто впали в ступор – и все лишь потому, что ни те, ни другие не понимали, что им требуется делать в критической ситуации. Есть, конечно, в ваших управленческих структурах люди, которые берут на себя ответственность и добиваются успеха, но в верхних слоях пирамиды этих людей абсолютное меньшинство. Если война с дейцами продлится достаточно долго, то произойдет обновление управленческой пирамиды, естественная замена некомпетентных руководителей компетентными, но это будет стоить большого количества ваших напрасно погибших солдат. И так не только в армии. Ваши чистки, которые вы практиковали до войны, в основном не достигали своей цели, потому что замену выбывшим некомпетентным руководителям вы подбирали не по профессиональным качествам, а по знанию догм вашего марксизма-ленинизма. И хуже всего дело обстоит в самом высшем эшелоне вашей власти, который вы называете Центральным Комитетом, ибо именно там означенные догмы, многие из которых никогда беспристрастно не проверялись практикой, и являются главным инструментом управления страной.

– Товарищ Малинче, – сказал Сталин, терпеливо выслушав мою сентенцию, – мы и пригласили вас для того, чтобы вы научили нас, как надо правильно подбирать кадры. В течение нескольких последующих дней через этот кабинет пройдут все крупные руководители Советского Союза, а вы будете их обследовать и давать свое строго научное заключение, на какой должности лучше всего использовать этого человека и использовать ли его вообще. Кроме того, жду от вас подробнейшего доклада по положению дел в целом. А что касается марксизма, то, как крупный специалист по этому вопросу, могу сказать, что марксизм не догма, а руководство к действию. Если ваша галактическая наука докажет, что товарищ Маркс ошибся в своих теоретических построениях, то мы его поправим. Этим и отличается наука от религии – что наука тоже, конечно, может ошибаться, но, получив новые данные, она исправляет свои ошибки, а религия коснеет в своих заблуждениях. Надеюсь, вам все понятно? А раз так, то давайте возьмемся за работу, время не ждет.

* * *

3 июля 1941 года, 03:55. Белорусская ССР, Брестская область, Ивацевичский район, Станция Доманово.

Раннее утро встает над рекой Гривдой, разделяющей советские и германские позиции. плывут рваные клочья белого тумана, пронзительно цвикают птицы в ветвях деревьев и кустов. В окопах передового охранения по обе стороны реки от сырости и холода ежятся солдаты противостоящих армий. И будто бы нет никакой войны, но ветерок доносит до немецких окопов запашок мертвечины. Это разлагаются те немецкие зольдатен унд официрен, которые доблестно пали три-четыре дня назад при безуспешных попытках форсировать Гривду на резиновых лодках и подручных предметах. К тому же если зольдат высунет из окопчика голову и посмотрит на ту сторону (что почти безопасно, потому что лазерщики стреляют только на блеск оптики), то увидит, что вдоль советского берега, шагах в десяти друг от друга, стоят колья, на которые насажены головы самых неудачливых его крискамрадов. Сделано это для острастки и в качестве напоминания, что жизнь тех, кто пришел на чужую землю с оружием в руках, неизбежно, так или иначе, закончится печальным исходом.

Но напряженно вслушивающиеся в утреннюю тишину солдаты и офицеры изрядно потрепанного 69-го пехотного полка (10 танковая дивизия, входившая в состав 46-го моторизованного корпуса, 2-й танковой группы), занимавшего оборону по южному берегу Гривды в

районе моста, еще не знали, что отмеренное им время жизни почти вышло. Да и с чего бы им было подозревать, ведь основной накал сражений в последние сутки переместился на рубеж Бронная гора – Речица – Пески, где сводное соединение генерала Борзилова, отходя с рубежа на рубеж, из последних сил сдерживало натиск четвертой германской армии под командованием фельдмаршала фон Клюге. Сдерживать атаки численно превосходящей немецкой пехоты советским бойцам позволяло только наличие во второй линии обороны тяжелой бронетехники (танков Т-34 и КВ) и огневая поддержка артиллерии. Также немало помогли истребители с «Полярного Лиса», множество раз спускавшиеся с небес, чтобы прочесать лазерными пушками пехотные цепи или атаковать на позициях артиллерийские батареи.

Напротив, вторая танковая группа, которая понесла тяжелые потери в людях и технике и почти исчерпала запасы топлива и боеприпасов, прекратила атаковать большевистскую пробку в Ивацевичах, ожидая, пока четвертая армия своими силами сломит сопротивление русских фанатиков и разблокирует попавшее в окружение лучшее подвижное соединение вермахта. При этом надо учитывать, что личные отношения между Гудерианом и фон Клюге тоже были далеко не безоблачными. Первый считал второго напыщенной бездарностью, а тот не оставался в долгу, называя «Быстроходного Гейнца» нахальным выскочкой. При этом фон Клюге считал, что, попав в эту неприятную ситуацию, «непобедимый» Гудериан, наконец, получил щелчок по носу, который собьет с него хотя бы часть самоуверенности и апломба. А тот, в свою очередь, не считал возможным тратить свои и без того ограниченные ресурсы на то, чтобы ударом с тыла помочь штурмующей большевистские позиции пехоте. Еще чего! Топлива в уцелевших панцерах и бронетранспортерах всего на пятнадцать минут боя, а потом герры панцерманы должны вылезти из своих боевых машин и идти в атаку с пистолетами наперевес.

Поэтому всю свою уцелевшую бронетехнику (а уцелело ее не много) герр Гудериан оккупал в узком дефиле на пути возможного прорыва вражеской бронегруппы к Барановичам, творчески переработав опыт своего оппонента, который таким же образом использовал против немецких танков свои Т-26 и БТ. Кстати, направление на Слоним вообще не считалось угрожающим, так как мосты большевики взорвали сами, а топкие болотистые берега не подразумевали форсирования реки вброд. Поэтому штаб второй танковой группы дислоцировался в поселке Чемелы, и там же располагались и штабы 46-го и 47-го моторкорпусов, а также штабы дивизий, ибо другого населенного пункта поблизости просто не имелось. Это место, битком набитое немецкими штабными, находилось всего лишь в четырех километрах от реки Гривда, то есть в четверти часа хода моторизованной колонны от линии фронта, если бы та каким-то образом смогла переправиться через речку с топкими болотистыми берегами. В связи с бесперспективностью этого направления для вражеского удара 69-й пехотный полк, занимавший оборону по ее берегу, был ослаблен изъятием из него нескольких временных кампфгрупп, брошенных на усиление обороны на Ивацевичском направлении. В результате потерь и изъятий численность полка сократилась до четырех стрелковых рот, одной роты огневой поддержки, минометно-артиллерийской роты и тыловых подразделений.

Тем, что осталось от полка, командовал оберстлейтенант Карл Маус, бывший командир батальона, занявший эту должность после того, как предыдущий командир полка во время рекогносцировки местности был застрелен прямо на своем НП из тяжелого лазерного ружья. Ноги остались на месте, а голова просто испарилась, потому что наведение осуществлялась по отметкам линз бинокля. Занявший место этого несчастного оберстлейтенант Маус, кроме прочего, был замечателен тем, что вдобавок к офицерскому званию имел диплом врача-стоматолога и пять лет с двадцать девятого по тридцать четвертый год зарабатывал на жизнь тем, что дергал и сверлил людям зубы. Но это так, к слову, потому что никаких дополнительных преимуществ квалификация стоматолога в данном случае не приносила. Впрочем, никто – ни оберстлейтенант Маус, ни командир 10-й танковой дивизии генерал-лейтенант Фердинанд Шааль, ни командующий 46-м моторкорпусом генерал танковых войск Хайнрих фон Фитингоф,

ни сам Гейнц Гудериан – и подозревали о том, что твердо знал генерал-лейтенант РККА Иван Болдин. Пройдет еще несколько минут – и обманчивая утренняя тишина внезапно для немецкой стороны взорвется грохотом артподготовки и ревом десятков мощных танковых моторов.

Так и произошло. Ровно в четыре ноль-ноль по Москве на единственную нитку траншей и позиции полковой артиллерии обрушился град снарядов от второго сводного артполка, сформированного из остатков артиллерии мехкорпуса генерала Мостовенко и прочих артчастей, сумевших благополучно отступить хотя бы с частью орудий. Впрочем, из-за дефицита боеприпасов эта артподготовка не была особенно длительной. Не прошло и четверти часа, как артиллерийский огонь прекратился и в атаку на немецкие позиции пошли советские танки, за которыми в рост поднялись стрелковые цепи. Такой ход русских вызвал с немецкой стороны немалое удивление, ибо на заболоченных берегах Гривды тяжелые Т-34 и КВ должны были увязнуть как мухи в патоке, так же, как по самые башни там уже увязли две «тройки» и несколько «двоек», вытащить которые до окончания боевых действий не представляется возможным.

Но ожидания немецких солдат и офицеров не оправдались. Тяжелые, почти пятидесятитонные КВ не только не увязли в зыбком прибрежном грунте, а, выехав на реку, с относительно небольшой скоростью продолжали передвигаться по поверхности воды, которая прогибалась под их гусеницами, будто была покрыта толстым слоем невидимой резины. Не повредил этим танкам и шквальный артиллерийский обстрел, который устроили едва пришедшие в себя германские артиллеристы. Снаряды немецких пушек просто вязли в чем-то, чертовски напоминающем опять же невидимые огромные резиновые подушки, которые эти танки толкали перед собой. Перед этой защитой оказались бессильны даже снаряды тяжелых пехотных орудий калибра 150 миллиметров, которые были бы смертельны даже для КВ. Одну такую пушку советская артиллерия уничтожила во время артподготовки, зато вторая смогла попасть в один из танков аж двумя снарядами, но при этом без малейшего эффекта, если не считать яркого фейерверка.

Таким же образом в этих «подушках» бессильно вязли пули из винтовок и пулеметов, благодаря чему оцетинившаяся остриями штыков советская пехота совершенно не несла потерь от вражеского огня и следовала за танками, находясь в полной готовности вступить в так любимую ей скоротечную штыковую схватку. При этом ответные выстрелы русских танковых пушек время от времени достигали своей цели, уничтожая то расчет орудия, то пулеметное гнездо. Пехота вслед за танками также вступила на непонятный упругий настил и пошла по воде аки посуху. Вот это для немецких солдат оказалось уже слишком, и те полезли из своих жидких окопчиков для стремительного и безудержного отступления еще до того, как советские танки подошли к противоположному берегу реки. Несмотря на хлестнувшие им в спины пулеметные очереди, почти двум третям спасающихся «белокурых бестий» удалось добраться до спасительной опушки леса и скрыться за его защитой.

Конечно же, все эти чудеса имели «имперское» происхождение: устройством, обеспечивающим перемещение по воде аки посуху, являлся генератор поля, повышающего поверхностное натяжение настолько, что водная поверхность начинает удерживать на себе не только швейную иглу, но и тяжелый танк. Поскольку все генераторы, участвующие в операции, были синхронизированы, то получилось единое покрытие, на время форсирования полностью перекрывшее реку. Вторым секретом, обеспечившим успешность атаки, были стандартные генераторы защитных полей от боевых скафандров штурмовой пехоты, которые серые взяли из ЗИПов, пока еще неприкосновенных. Четыре генератора, каждый из которых устанавливал защиту в своем секторе, обеспечили советским танкам абсолютную непробиваемость от всех видов немецкого оружия, а также безопасность движущейся следом пехоты.

Спустя несколько минут после того, как из вида скрылся последний немецкий солдат, советские танки выбрались на берег и, раздавив гусеницами брошенные немецкие пушки, при-

няли на броню десант, собрались в колонну и по лесной дороге направились в сторону поселка Чемелы. Идти предстояло не больше четверти часа. При этом ловить разбежавшихся по лесу немцев никто не собирался: для этого не хватало ни времени, ни людей. Главное было уничтожить ядро второй танковой группы, после чего ударить в спину немецкому заслону – это даст группе генерала Борзилова возможность благополучно отступить на соединение с группировкой генерала Болдина. Ну и, кроме того, после такого разгрома лучшей из танковых групп дальнейшее наступление на восточном фронте станет прихрамывать на все четыре ноги сразу.

* * *

3 июля 1941 года, 04:15. Белорусская ССР, Брестская область, Ивацевичский район, деревня Чемелы.

Когда на севере, совсем близко, загрохотала артиллерийская канонада и в хатах зазвенели стекла, генерал-половник Гудериан спал сном праведника. Пробуждение вышло не из приятных. Судя по звукам разрывов, одновременно стреляли орудия калибра пятнадцати, двадцати и семи с половиной сантиметров, причем последние развили просто бешеную скорострельность. Гудериан понимал, что направление на Слоним, с точки зрения угрозы, считалось в общем-то бесперспективным. Взорванный мост и топкие заболоченные берега реки Гривды затрудняли переправу даже пехоте без тяжелого вооружения, не говоря уже о танках и артиллерии; даже незначительное сопротивление могло с легкостью остановить атаку превосходящих сил. Четыре дня назад, во время попытки удара 46-го моторного корпуса на Слоним, сами большевики и их покровители с легкостью продемонстрировали возможности этой позиции для обороны, без особых усилий остановив атаку немецких частей и нанеся им жестокие потери.

И вот теперь русские сами зачем-то устраивают этот артиллерийский обстрел, за которым непременно последует атака – без нее вся эта канонада не более чем напрасная трата боеприпасов. Или тут дело не в русских, а в их покровителях? Быть может, у них имеются какие-нибудь быстронаводимые понтонные мосты или достаточное количество парящих платформ, способных быстро перебросить людей с одного берега на другой? В таком случае массированный обстрел позиций 69-го полка, по сути являющегося лишь усиленным батальоном, вполне может принести успех... Додумать эту мысль Гудериан не успел: русская артподготовка по линии фронта прекратилась так же неожиданно, как и началась. Орудия малого и среднего калибра просто замолчали, а дальнобойные пятнадцатисантиметровые гаубицы перенесли огонь вглубь контролируемой германскими войсками территории, и через несколько минут сорокакилограммовые «чемоданы» стали с сокрушающим грохотом рваться в переполненных штабными и тыловыми подразделениями Чемелах.

Тут уже Гудериану было не до размышлений: молотили большевистские артиллеристы на совесть, и запросто можно было остаться под руинами горящей хаты или, успев выскочить из нее, попасть под разрыв шального снаряда. Надо либо залечь в каком-нибудь укрытии, которое позволит переждать артобстрел, или постараться как можно скорее покинуть обстреливаемый квадрат. Последнее исключалось. Выглянув в выбитое взрывной волной окно, Гудериан увидел, что его командирская «тройка» (на самом деле имитация танка с макетом пушки вместо орудия), припаркованная поблизости, повреждена близким разрывом гаубичного снаряда. По крайней мере, перекошенный на противоположный борт корпус и нездоровый дым над моторным отсеком говорили о том, что данный агрегат в ближайшее время никуда не поедет. К тому же механик-водитель командирской машины, сраженный осколками того же снаряда, не шевелясь лежит в луже крови возле передней части ее корпуса – он так и не успел занять свое место.

Убегать на своих двоих, рискуя попасть под шальной разрыв, командующий второй танковой группой не считал возможным, поэтому, напялив китель прямо на голое тело и криво нахлобучив фуражку, пригнувшись, метнулся к открытой в десятке шагов от хаты противоздушная щели. С тех пор как в небесах воцарились белые демоны, сопровождающие большевистские бомбардировщики к месту работы и обратно будто барышень на танцы, воздушный налет на расположение штаба не исключался. Поэтому таких маленьких узеньких окопчиков для укрытия драгоценных генеральских и офицерских тел немецкие солдаты нарыли по всем Чемелам в достаточном количестве.

Едва Гудериан в несколько прыжков пересек расстояние, отделявшее его от спасения, и умогнул свою тушку в означенной противозадушной щели, очередной снаряд угодили точно-хонько в ту избу, которую он только что покинул. Теперь местное жилище представляло собой грудку деревянного хлама; однако это была та судьба, от которой не уйдешь. Кому суждено попасть в плен, тот выживет под любым обстрелом.

А ведь там, на «Полярном Лисе», Гудериана хотели именно в плен и не иначе, потому что один из самых гениальных тактиков хумансов представляет собой высокую ценность хотя бы в качестве генетического материала для возможного размножения. Правда, в настоящий момент под рукой у Иртаз Далер и Ватилы Бе не было пригодных для осеменения лишних горхинь и темных эйджел (от тактиков предпочтительно получать гибриды боевого назначения), но это дело наживное. Набег «Полярного Лиса» на территорию кланов эйджел в ближайшем будущем представлялся почти неизбежным, потому что с одними хумансами полноценную Империю не построить. Кроме того, Ватила Бе считала, что если сейчас в Галактике и в самом деле идет доимперская эпоха, то разведывательно-ударный крейсер типа «Гончий Пес» будет если не самым сильным, то самым быстрым и малозаметным боевым кораблем – то есть идеальным капером, способным захватить плохо вооруженный приз с ценным грузом и с легкостью скрыться от погони. И никому в голову не придет, что его база здесь, на окраине запретной зоны, еще во времена Древних закрытой для посещения кораблями эйджел. Но это будет потом, а сейчас важно помочь стране Эс-Эс-Эс-Эр победить страну Германия, что станет первым шагом на пути ее преобразования в новую Империю.

Именно поэтому, в то время пока бронегруппа под общим командованием генерала Мостовенко (изрядно обалдевшего от событий последних дней) лязгала гусеницами по дороге от места переправы через Гривду к перекрестку с Московско-Варшавским шоссе, на Чемелы обрушился десант роты штурмовой пехоты. Это был тот самый момент, когда рациональнее использовать тяжеловооруженных воительниц не для того, чтобы они гонялись за разбегающимися дейчами, а чтобы полностью обезглавить крупное подвижное соединение врага, уничтожив собравшиеся в кучу штабы различного уровня. Главной задачей, поставленной как перед рядовыми бойцами, так и перед командирами участвующей в операции роты, был захват в плен или нейтрализация высшего командно-тактического состава дейчей, находящегося в некотором отрыве от своих войск. В то же время задачей бронегруппы генерала Мостовенко являлся разворот на перекрестке на девяносто градусов в западном направлении и удар в тыл оборонительным позициям войск второй танковой группы...

Дальнейшее очень легко представить. Прикрытые защитными полями советские танки, и без того слышущие неуязвимыми, внезапно врываются на огневые позиции артиллерийских батарей, развернутых в противоположную сторону. Следует неожиданный удар с тылу по оборонительным рубежам и исходным позициям сосредоточения подвижных бронегрупп дейчей, предназначенных для активного парирования вклинений вражеских войск. Ярость и хаос. Непрерывный гром выстрелов пушек и пулеметов, скрежет сминаемого металла, яростные кличи атакующих, крики паники и отчаяния застигнутых врасплох... В такой ситуации обычно везет тому, кто успел сбежать с позиции и потеряться в ближайшем лесном массиве, и то лишь потому, что советским войскам и их союзникам сейчас отнюдь не до ловли одиночек. Осо-

бой ярости атакующим советским танкистам добавляло то, что они сейчас вымещали на своих врагах все пережитое в течение последних десяти дней, боль от поражения в приграничном сражении и унижительную горечь отступления, в то время как враг торжествует победу. Сейчас, получив преимущество внезапности удара и абсолютной защиты, они делали все возможное для полного уничтожения вражеских войск, и так понесших тяжелые потери в схватке с войсками группировки генерала Борзилова. Кроме прочего, разгром боевого ядра второй танковой группы открывал возможность поэтапного отступления по тому же Московско-Варшавскому шоссе на Слуцк-Бобруйск вместо отхода в Пинские леса с предварительным уничтожением тяжелого вооружения, как предполагалось первоначально. Наступление на правом фланге группы армий «Центр» в любом случае сорвалось, и теперь можно было озаботиться сохранением личного состава и хотя бы части танков, автопарка и артиллерии.

Впрочем, в Чемелах в это время тоже было весьма интересно. На деревню перестали падать снаряды, прогремел последний взрыв и наступила тишина – это позволило «Быстроходному Гейнцу», уже уставшему от вздрагивающей под ногами земли, грохота разрывов и посвистывания осколков, поднять голову над бруствером и оглядеться. От избы, где он ночевал, осталась только бесформенная груда мусора, его командирский танк пылал; и вообще, в поле зрения подобных костров хватало. В этот момент все и случилось. Прямо над головой раздался оглушительный хлопок, потом громкий свист – и задравший голову Гудериан увидел, что чуть ли не прямо на него опускается тяжелая бронированная фигура, похожая на средневекового рыцаря. Причем этот «рыцарь» опускался на деревню не в одиночестве; их было много, слишком много для того, чтобы понадеяться остаться в живых. До этого Гудериан уже слышал о такой разновидности демонов-воинов, покровительствующих большевикам. Когда они участвовали в рукопашных схватках, спасения для немецких солдат не было. Сила этих демонов-богатырей позволяла им буквально разрывать людей на части голыми руками – и это притом, что они были прекрасно вооружены.

«Быстроходный Гейнец» решил подороже продать свою жизнь (если, конечно, демону вообще возможно причинить вред) – лапнул рукой свою кобуру... но она, будто в дурном сне, оказалась пуста. Видимо, во всех этих пертурбациях, скачках и кульбитах пистолет где-то выпал и бесследно потерялся. Вообще-то пистолет генералу сам по себе и не нужен, разве только для того, чтобы застрелиться; но в данном случае, увы, у Гудериана отсутствовала даже эта возможность – не даться врагу живым. А это было важно, потому что ходили слухи, что демоны на допросах подвергают своих пленных врагов ужасным мучениям (хотя было непонятно, откуда взялась эта информация, ведь никто из тех, кто подвергался таким допросам, не мог вернуться обратно и рассказать о том, как это было). Наверное, это опять происки доктора Геббельса и своры его пропагандистов. Эти, не краснея, соврут на любую тему – такая уж у них работа.

Последнее, что Гудериан помнил из своей прошлой жизни – это то, что некая неодолимая сила подняла его в воздух и засунула в подобие то ли пенала, то ли помеси спального мешка со смиренной рубашкой, в которой он мог дышать, но был не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. И, кстати, он вошел в число тех немногих счастливцев, которым повезло выжить в этом нападении. Бойцыцы штурмовой пехоты сочли достойными захвата только несколько самых высокопоставленных офицеров, остальных же истребили без всякой пощады, ибо перед ними не ставилась задача брать пленных низкой сортности.

* * *

**3 июля 1941 года, полдень, Ивацевичи.
Капитан штурмовой пехоты Ария Таним.**

Мы, будто гиля на ноге, висим на правифланговой части главной группировки дейчей наступающей в направлении столицы страны Эс-Эс-Эс-Эр; и это продолжается уже четверо суток. Деньки эти были горячими, не без того; не зря же каждую ночь штурмовые шаттлы вывозят от нас на основную территорию раненых, доставляя взамен боеприпасы и продовольствие. Надо сказать, что поток отступающих частей страны Эс-Эс-Эс-Эр, уходящих от очень неприятной ситуации в окружении, к сегодняшнему дню почти иссяк, а значит, нам больше не для кого держать приоткрытой дверь к спасению. Да, мы уходим, но поставленную задачу мы выполнили до конца. Вражеская военная машина серьезно поломана, и починить ее в ближайшее время просто не сумеют.

К тому же и дейчи снизили накал атак на наши позиции. Это и неудивительно – у них тяжелейшие потери. Третий день мы планомерно отходим с рубежа на рубеж, и каждый раз оставляемая позиция оказывается доверху заваленной мертвыми телами в серых мундирах. У нас тоже имеются некоторые потери, но они незначительны. Ведь действия врага против нас не идут ни в какое сравнение с той бойней, какую мы устраиваем им раз от разу. Лишившись качественного преимущества, впервые на этой войне дейчи вынуждены оплачивать кровью каждый шаг вперед, и это только начало. Мы превосходим их в разведке, в качестве управления войсками, наше господство в воздухе на этом, очень важном, участке лишает дейчей привычной поддержки сверху, а артиллерия страны Эс-Эс-Эс-Эр, при использовании наших возможностей в разведке и корректировке, на две головы перевешивает оппонентов на той стороне фронта. Говорить о том, что каждый выстрел идет прямо в цель, еще нельзя, однако никто не разбрасывает снаряды впустую, так сказать, по кустам. Добавьте к этому умелое управление отрядами боевых машин, которые в самые критические моменты боя появляются на угрожаемых участках и огнем и маневром обращают вражеские атаки в прах. А возможности штурмовой пехоты – как с точки зрения создания плотности огня, так и в смысле умения наших девочек крушить все вокруг в рукопашной схватке... Вот и приходилось простым солдатам дейчей своими жизнями платить за желание тактиков скорее прорваться через наши позиции к отрезанным нашим ударам товарищам, оставшимся без поддержки и снабжения.

Кроме того, та группировка, которую дейчи так рвались спасти, тоже не существует более. Она сегодня утром пала под натиском наших товарищей, которые, пока шла битва за Ивацевичи, сумели накопить силы, перегруппироваться и нанести внезапный разящий удар во фланг, прикрытый только слабым заслоном. Крупнейшие тактики врага при этом попали в плен, а остальные были безжалостно убиты или просто разбежались кто куда. Разгром был настолько полным, насколько это вообще возможно. Уничтоженные нашим ударом части можно смело списать со счетов, а их техника после стараний саперов годится разве что для переплавки.

Теперь у войск страны Эс-Эс-Эс-Эр, входящих в нашу группу, есть возможность планомерно отступать вдоль дороги на восток всем соединением, вместо того чтобы бежать в леса, разбившись на мелкие группы, в надежде, что уцелеет хоть кто-нибудь. Такое медленное отступление боеспособной силы на второстепенном направлении тоже будет способствовать сдерживанию вражеского наступления, ибо у врага теперь нет возможностей атаковать эти войска с прежней яростью; при этом угрозы с фланга не потерпит ни один нормальный тактик. Самый важный вывод, который можно сделать из этого факта, заключается в том, что мы, (штурмовая пехота) на этом участке фронта больше не нужны. Пехотные соединения дейчей из второго эшелона в предшествующих боях понесли тяжелые потери и вряд ли захотят преследовать вполне боеспособную и готовую дать отпор группировку войск страны Эс-Эс-Эс-Эр, в опасении получить от нее очередное поражение. И в то же время они будут смотреть на нее одним глазом, опасаясь еще каких-нибудь неожиданных маневров.

Поэтому наше высшее командование в лице главного тактика Ватилы Бе решило перебросить нашу роту на новый участок фронта, где предстоят ожесточенные сражения. Конечно,

жаль расставаться с новыми боевыми товарищами, с которыми мы сроднились за эти несколько дней. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять. Понимает это и мой генерал, который сегодня был сам не свой. За все это время мы так и не уединились...

Его скромный подарок – букетик полевых цветов – я спрятала под броню к самому сердцу. Да, не увидала я прелести русских лесов, о которых он мне так вдохновенно рассказывал. Эх, жаль... Но, может быть, у нас еще все впереди... Кто знает, как все сложится... Не хочется думать о плохом; такой прекрасный день сегодня: небо синее-синее, будто вымытое, дует приятный легкий ветерок, неся чудесные ароматы цветущих лугов... Все будет хорошо! Звезда Любви будет всегда сиять над нашими головами! А умирать нам рано еще. Да и чего бы? Ха!

Впрочем, на самом деле до безмятежности мне было далеко. Почему-то именно сейчас мысли о возможной гибели настойчиво лезли мне в голову. Умирать и вправду было жаль – теперь, когда я полюбила мужчину, полюбила по-хумансовски, нежно, трепетно, страстно...

– Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону... – сказал мой генерал, глядя на меня с оттенком грусти, но в то же время таким сияющим взглядом, что меня будто теплом окутало. Я догадалась, что он процитировал слова из какой-то песни – я почему-то всегда об этом догадывалась. – Ария... – тихо произнес он, пытливо глядя в мои глаза, – я очень рад, что мы встретились. И я надеюсь, что однажды мы увидимся снова... хотя, конечно, на войне случается разное...

– Мое сердце в твоих руках... – сказала я своему любимому, теребя свою косу, которая так нравилась ему. – Я тоже верю, что мы еще встретимся после войны, а если нет, то...

И тут я осеклась. Ведь в стране Эс-Эс-Эс-Эр еще не практикуют генные банки! Это значит, что в случае гибели моего любимого от него не останется ровным счетом ничего. Ничего! То есть я не смогу взять его генетический материал, чтобы родить от него посмертного ребенка... Да уж, трагическая правда – тут человек если умирает, то умирает навсегда, и любящие его люди не могут дать ему продолжение в виде детей. Ужасная несправедливость! К тому же о множестве погибших не будет известно вообще ничего, потому что их части полностью уничтожены, и некому написать родным о том, где погиб и покойся их сын, муж, брат или отец... Жизнь вообще ужасно несправедлива... Но нас, воительниц Империи, как раз для того и рожали на свет, чтобы мы каждым своим действием старались изменить ее к лучшему.

Мой генерал не стал просить меня договорить начатую фразу. Наверное, договори я ее – и он уставился бы на меня круглыми глазами... Конечно же, он не мог знать о том, что я подумала, ему бы и во сне подобное бы не привиделось! И наверняка он сам мысленно закончил это предложение – так, как ему показалось логичным: «...ты навсегда останешься в моем сердце...», «...все равно это было прекрасно...», «...значит, такова судьба...» Хумансы Старой Земли! Как же это чудесно – вся эта их романтика... А мы – практичные, рассудительные, так много знающие. Какие мы все-таки разные... Однако это не мешает мне любить этого доблестного сына Старой Земли. Любить – но совсем не так, как это происходит в НАШЕМ понимании. Я научилась любить так, как ОНИ – и это действительно чудо. Я научилась видеть пленительную тайну в простых вещах... О, какое же это удовольствие – взглянуть на мир глазами хуманса! Пусть я никогда не смогу стать такой же, как они, но хоть чуточку приблизиться к их восприятию мне удалось – и это большая удача. Даже не то что удача, а, как выражаются они сами, «улыбка Бога»... Выражения хумансов вообще удивительно точны. Я только сейчас поняла это; а ведь раньше я вообще никак не воспринимала лирику и прочее подобное; да, впрочем, не особо часто я с этим и сталкивалась. Те хумансы, с которыми мне приходилось контактировать до этого Большого Приключения, были все же несколько другими. И разница вот в чем – они тоже воспринимали романтику, но относились к ней с долей снисходительности и даже доброй насмешки. Как взрослые, что, снисходя, ради шутки, играют в детские игры. Но обитатели Старой Земли ко всему относятся всерьез. Они живут этим. Романтика

течет в их крови... Наверное, именно поэтому они пишут картины, слагают стихи, вкладывая в свои творения всю свою суть... Они – творцы в гораздо большей степени, чем мы. Их могучее воображение открывает им путь в любом направлении. Не потому ли именно эта планета является прародиной всех нас? Неужели мы тоже можем быть такими, как ее обитатели? Конечно, можем. Я убедилась в этом на своем опыте, хоть и прикоснулась к романтике совсем слегка, совсем чуточку – все благодаря моему генералу...

Мы неловко обнялись. Я чувствовала к нему безмерную благодарность. Не знаю, слышал ли он, как трепетно бьется мое сердце, но он прижимал меня к себе порывисто и страстно, как будто и вправду в последний раз. И, странное дело – я ощущала себя в его объятиях маленькой и хрупкой...

Так он и запомнился мне – этим крепким прощальным объятием, горьким запахом папирос, нежным прикосновением губ и глубиной своих глаз, в которых таилась тихая печаль. И последняя моя мысль тоже запомнилась – я подумала, что если Бог улыбнется нам еще раз и мы с моим генералом встретимся, то я непременно рожу от него, и сделаю все, чтобы наше дитя развило в себе творческое начало... Пусть он, наш ребенок, напишет в будущем такие же прекрасные стихи, как те, что однажды читал мне на крыльце мой возлюбленный... Ах, как бы это было прекрасно! Пусть это все сбудется! Ведь имею же я право надеяться? Точнее, верить...

Новые заботы несколько отвлекли меня от любовных терзаний, связанных с вынужденной разлукой. В частности, в связи с переброской нас на новый участок фронта встал вопрос о том, что делать с моим юным любимцем-пеончиком. А делать что-то надо было. Ведь если просто отпустить его на свободу, он, чего доброго, вернется в войска страны Германия и снова будет убивать солдат войск страны Эс-Эс-Эс-Эр. Он, правда, клянется, что никогда никого не убивал, что ему не нужны ни чужая земля, ни чужие вещи, и что он хочет только вернуться живым домой к своим фатер унд муттер... Ну, я очень хочу ему верить. Не похож он на матерого фашиста – и все тут. Простоватый, наивный парень, сохранивший в себе некоторую порядочность. Тем не менее никакого «домой» уже нет и, пожалуй, не будет. Поскольку я даровала ему пощаду на поле боя, то теперь мне решать, где он будет жить, на чем спать и что есть. Ведь, проявив к нему милосердие и даже приказав нашему фельдшеру позаботиться о его ране, я взяла на себя ответственность за его будущую судьбу. Вдобавок ко всему, этот Альфонс Кляйн – очень молодая особь, еще не дающая себе полный отчет в своих действиях. С одной стороны, этот факт содействовал проявлению моего милосердия (я не убиваю детей и тех, кто к ним приравнен (например, сибх, даже если они собственность клана из группировки Непримири-мых)), а с другой стороны, крайняя молодость моего пеона возлагала на меня дополнительную ответственность за его судьбу...

Одним словом, немного подумав, я отправила этого Альфонса Кляйна наверх, на «Полярный Лис», поручив заботу о его нуждах моей сибхе-ординарцу Эри. Как капитан штурмовой пехоты я имела право иметь на борту корабля трех своих личных пленников, и ничего не значит тот факт, что до сей поры я им никогда не пользовалась. Я надиктовала для Эри специальное личное послание с инструкцией о том, как кормить раненого юного хуманса и какие процедуры к нему применить, чтобы он скорее адаптировался к нашему обществу. В первую очередь его стоило отвести в кабинет гипнопедии и научить нормальному русскому языку, потому что на дейче у нас никто не разговаривает, за исключением разве что некоторых егерей-франконцев. Я еще не знаю, что буду с ним делать, но мне точно известно, что этот юный хуманс никогда больше не будет тем, чем он был прежде.

Часть 6

4 июля 1941 года, утро. Третий Рейх, Восточная Пруссия, Ставка Гитлера «Вольфшанце».

Гитлер тупо смотрел на карту боевых действий на центральном участке Восточного фронта. Происходящее там активно ему не нравилось, но это никак не могло изменить положение дел. Группа армий «Центр», подставляя противнику борт, закрутилась на месте, будто танкер, у которого снаряд выбил одну гусеницу. Разумеется, эта аналогия не была полной, но фюрер германской нации понимал, что из его любимого детища, Блицкрига, жизнь вытекает с каждой минутой задержки. Германская армия еще в состоянии сражаться со всем неистовством тевтонской ярости, но большевики тоже оправляются от растерянности. Как бы ни была плоха их армия, по сигналу о всеобщей мобилизации русские в состоянии поставить под ружье просто огромное количество солдат – от пятнадцати до двадцати¹⁷ миллионов штыков. План «Барбаросса» подразумевал, что большевистское государство потерпит поражение еще до того, как окончательно завершится переброска войск из внутренних районов огромной страны (не говоря уже об окончательном завершении мобилизации), но то, что творилось сейчас, ставило на этой идее жирный крест.

Некто жестокий и безжалостный, встав за спиной у косоруких большевистских генералов, сейчас по самому выгодному для себя курсу менял жизни унтерменшей, которые и так должны были кануть в небытие на то время, что было необходимо для полного развертывания советской военной машины. Гитлер еще не знал, как может выглядеть этот «некто», скорее всего находящийся на гигантском корабле, вращающемся над землей на высоте четырехсот километров, но предполагал, что это не иначе как сам сатана или кто-то из его ближайших родственников. По сравнению с этим военным гением разом побледнела вся когорта прославленных немецких генералов. Вряд ли они смогли бы добиться такого успеха с почти неуправляемыми ордами русских большевиков. Напротив, имея в своем подчинении опытных и дисциплинированных германских солдат, его генералы потерпели тяжелое и унижительное поражение, равных которому еще не было на этой войне. Сорок шестой и сорок седьмой моторного корпуса второй танцгруппы погибли в полном составе. Уничтожены мотодивизия СС «Рейх» и моторизованный полк СС «Великая Германия», десятая и восемнадцатая танцдивизии вермахта, в предыдущих боях с большевиками понесшие тяжелые потери. Уцелевшие солдаты и офицеры, не представляющие собой реальной боевой силы, мелкими группами и поодиночке выходят из лесов на соединение с частями четвертой армии.

---

¹⁷ На середину 1941 года население СССР составляло 200 миллионов человек, из которых до 10 % в случае войны могли быть призваны по мобилизации в вооруженные силы, что составляло максимальную численность мобилизационного контингента в 20 миллионов штыков. Такая цифра принята за основу, несмотря на то, что общее количество боеспособных мужчин в государстве может достигать до 20 %, но эти дополнительные десять процентов не призываются в армию, потому что они необходимы для функционирования экономики военного времени. Кто-то (помимо женщин и подростков, которые также подвергаются трудовой мобилизации) должен пахать землю, варить сталь, работать на военных заводах, железных дорогах и прочих учреждениях тыла. Попытка призвать в армию больше 10 % населения приведет к экономическому коллапсу и военному поражению по той причине, что солдатам нечего есть, а также нечем и не из чего стрелять. В реальности после поражений лета 1942 года численность Действующей Армии стабильно держалась на уровне в 10 миллионов штыков, что вкупе с общими военными потерями в 7–8 миллионов бойцов составляет цифру, близкую к расчетным 20 миллионам предельного мобилизационного напряжения. Не будь катастрофических поражений и котлов начального периода Великой Отечественной Войны, еще неизвестно как бы пошел общий ход сражений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.